

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

11

12

НОВЫХ
страшных историй

Александр Матюхин

**Чертова дюжина. 13 новых
страшных историй. 2021**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А. А.

Чертова дюжина. 13 новых страшных историй. 2021 /
А. А. Матюхин — «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-139476-9

Культовый журнал «DARKER», редакция «Астрель-СПб» и проект «Самая страшная книга» представляют эксклюзивное, существующее только в цифровом формате, собрание лучших жутких историй с конкурса «Черты дюжина». Конкурс страшных рассказов «Черты дюжина» — одно из старейших (проводится с 2013 года) и важнейших хоррор-мероприятий страны. Каждый год в нем участвуют сотни историй, финалисты регулярно публикуются в престижных печатных антологиях, а победители автоматически выдвигаются на соискание премии «Мастера ужасов». Максим Кабир, Александр Матюхин, Елена Щетинина, Оксана Ветловская, Герман Шендеров, Иван Белов — новые жуткие истории от этих и других авторов во второй по счету антологии лучших рассказов «Чертовой дюжине»!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-139476-9

© Матюхин А. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Герман Шендеров	6
Максим Кабир	19
Елена Щетинина	33
Олег Савошик	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Чертова дюжина

© Авторы, текст, 2021
© М. С. Парфенов, составление, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Герман Шендеров

Лучший погонщик

Перед входом во дворец Амрит поправил бинты на лице. Ткань, влажная от сукровицы, липла к коже, вызывая невыносимый зуд. Дворец раджи гнездился в мангровых зарослях, окруженный несколькими очищенными каналами. В их истоках стояли фильтрующие дамбы, превращавшие грязную болотную воду в прозрачные ручейки, однако не избавлявшие от тягучей вони разложения.

Амрит зря беспокоился – у открытых настежь ворот стражников не оказалось, так что можно было немного ослабить бинты и дать раздраженной коже подышать. Ткань же на спине пришлось оставить – перед грядущим походом нужно было позволить целебной мази впитаться.

Внутри дворца ослепительно-белый камень и позолота фасада сменились буро-вато-серыми корнями, уивавшими коридоры так, что не было видно даже стен. Погонщик, ненадолго остановившись глотнуть воздуха и перевести дух, оперся на один особенно толстый корень и тут же отдернул руку – тот шевельнулся и застенчиво спрятался. То, что Амрит поначалу принял за корень, оказалось серой, покрытой засохшей грязью рукой. Стало понятно, почему у ворот не было охраны. Раджа – толстый пааноик – не доверял живым, предпочитая держать подле себя целые армии лааш под контролем нескольких кшатриев, что приходились ему дальними родственниками. Только сейчас погонщик, привыкший к вони от собственных гниющих и мокнущих ран, заметил, что дворец прямо-таки смердит медленно разлагающейся плотью, к миазмам которой примешивался слабый аромат мирры.

Амрит и раньше слышал от заезжих купцов о «тоннеле прикосновений» – рассказывали, что гневливый раджа нередко играл с жертвой, благодушно позволяя ей уйти с миром. Незадачливый проситель узнавал о том, что провинился перед раджой, лишь когда стены смыкались, поглощая несчастного.

Коридор вывел погонщика во внутренний двор, и тот зажмурился, ослепленный солнцем, бьющим в глаза – светило не загораживали ни листья, ни кроны деревьев, а мрамор под ногами казался раскаленным добела.

– Вот он, повелитель, лучший погонщик во всем Каяматпуре...

Шипение, раздавшееся будто бы отовсюду, заполнило легкие, вытеснило воздух, превратило свет во тьму. Голова закружилась, и Амрит едва удержался на ногах, вцепившись в какое-то каменное возвышение перед собой.

– Осторожнее, погонщик! – раздалось надменное. – Я сам решу, когда мне кормить крокодила.

Когда головокружение отступило, а глаза привыкли к яркому свету, Амрит отшатнулся от бортика бассейна, в котором среди лилий и кувшинок в мутной воде нарезала круги бревноподобная туша. Пустые глазницы плялились в небо, а вода бурлила меж ребер, когда мертвая рептилия размером с лодку лениво переворачивалась, подставляя солнцу выпотрошенное брюхо.

– Достался мне от отца. Он велел лааш вытащить тварюгу из воды и держать на весу, пока тот не сдох от жажды, – пояснил раджа, закидывая в рот виноградину. – Подойди, не бойся.

Амрит, почтительно наклонившись, обогнул бассейн и подошел к ступенькам, ведущим к крытой беседке, где на подушках развалился раджа Хатияра, а рядом...

– Подними глаза, погонщик, дай мне рассмотреть тебя! – воскликнул властитель. – Как твое имя?

– Амрит, повелитель!

— Чего же ты не смотришь на меня, Амрит? Тебя пугает мой визирь?

Визирь был действительно страшен и одновременно великолепен. Ракшас отличался редким черно-белым окрасом, многочисленные руки его бугрились мышцами, поблескивали золоченые черепа на ожерелье, а взгляд голубых – не кошачьих, а человеческих – глаз был немилосердным, твердым и резал, точно джамбия. Даже золотые оковы, исписанные защитной литанией и подчинявшие чудовище хозяину, придавали демону вид еще более царственный и свирепый. Тонкий поводок, намотанный на запястье раджи, выглядел игрушечным на фоне его жирной руки.

Правитель был до предела тучен. Голое брюхо, унизанное иглами и кольцами, расплывалось на коленях. Лысый, с выбритыми бровями и мягкими чертами лица, раджа походил на чудовищного младенца.

— Да, повелитель. Мне не приходилось видеть асолов так близко, – соврал Амрит, старательно избегая взгляда визиря.

— Для погонщика ты на редкость труслив. Может, тебя пугают и мои слуги?

Раджа вытянул руку – ногти были такими длинными, что загибались едва не до запястья – и безрукой лааш тут же наклонился, подставляя свою ополовиненную голову. В углублении черепной коробки покоился лопавшийся от спелости красный виноград, напоминавший груду насосавшихся клещей.

— Нет, повелитель, лааш меня не пугают.

— Вишва, – Хатияра с усмешкой повернулся к визирю, – ты уверен, что он – лучший?

— О да, повелитель! – тигриная морда ощерилась, обнажив крупные человеческие зубы.

Цепи загремели, когда ракшас попытался продемонстрировать полупоклон. – В его распоряжении больше тридцати лааш, и управляет он с ними как с собственными пальцами.

— Это правда, погонщик? Подумай. Твой предшественник утопил заказ от паши Далала...

Раджа щелкнул ногтями, и лааш за его спиной, вытянувшись по струнке, застыл и повернулся к Амриту. Труп был совсем свежий, с аккуратно пробитой головой и серыми, точно речные гольши, глазами.

— Выяснилось, что опахало он держит лучше, чем плеть.

— Во всем Каяматпуре, от Ачери и до самых пустынных земель, не найдется никого, чья плеть справилась бы лучше! – с гордостью ответил Амрит.

— А эти бинты... Почему ты скрываешь лицо?

— Бесхозные, повелитель. В один из походов я наткнулся на большую толпу. Груз я вывел, но мне объели губы и нос.

— Объели лицо, но ты вывел груз? Достойно. Хорошо, Амрит, работа твоя. Готовь лааш, выступаем завтра на рассвете!

— Ваше желание – закон, великий раджа Хатияра!

Поклонившись в пол, Амрит принял медленно отступать, подавляя желание оглянуться – бортик бассейна с мертвым крокодилом был совсем близко, но к радже, как и к тиграм, нельзя поворачиваться спиной.

* * *

— Это твои гребцы? – раджа лениво прохаживался мимо выстроившихся в ряд лааш. Раб с опахалом то и дело замирал, продолжая обмахивать пустое место, и Хатияра был вынужден дергать себя за кольцо в соске, чтобы тот шел дальше. В облаке мух поодаль переминались мертвецы с паланкином. Под ними скопилась небольшая горка пепла от благовоний, призванных заглушить гнилостный смрад.

— Да, повелитель. Обработаны и накормлены на несколько дней вперед.

— Почему они тоже в масках?

– Зач-ч-чем великому радже лицезреть застывшие на лицах предсмертные корчи? – прошипел визирь, вышагивавший рядом на тонком поводке, точно послушная собачка – единственное разумное существо в свите Хатияра. Даже в шерсти обезьянки, что сидела на смуглом плече раджи, можно было увидеть хаотичное шевеление трупных паразитов. Глазки животного, видимо, кто-то выклевал, и теперь их заменяли драгоценные каменья.

– Пожалуй. Амрит?

– Да, повелитель? – погонщик поклонился, отчего незаживавшие раны на спине разошлись, по бинтам стекло несколько струек крови. Насекомые тут же облепили его плечи, но тот не смел пошевелиться под взглядом раджи.

– Сколько ты их водишь? Они крепкие, свежие и почти не пахнут! – изумленный, Хатияра даже не побрезговал прикоснуться к надутому, тугому как барабан, животу одной из лааш. Беременная даже не шелохнулась. Раджа бесцеремонно запустил руку под погребальное сари и пошарил в пауху у мертввой. – Мягкая! Как живая!

– Они мертвы вот уже одиннадцать лет, но держу я их лишь для особых заказчиков, о повелитель.

Раджа покачал головой:

– Одиннадцать лет? Ха! Каждые два года мои бальзаматоры сшивают из десятка бойцов одного целого, а каждые пять лет мне приходится скармливать их друг другу. Ты лжешь мне, погонщик...

– Эти лааш не дышат очень давно, повелитель. Но они столь послушны и дороги мне, что я обращаюсь с ними бережно. Я немного разбираюсь в бальзамировании. Кедровое масло и обработка щелоком позволяют избавиться от присущим мертввой плоти миазмов. И я храню их в наглухо закрытых бочках...

– Вот как? Знай же, Амрит, если ты справишься с заданием, а твои лааш продержатся до конца маршрута – клянусь, я жалую тебе должность придворного погонщика и бальзаматора, и пусть Яма сгрызет мои кости, если я лгу!

– Вы столь же великодушны, сколь и мудры, повелитель! – Амрит согнулся в глубоком поклоне. По спине сбежало еще несколько кровавых ручейков.

– Хорошо! Я доволен гребцами, погонщик. Можешь загружать траппагу!

Наконец Амрит выпрямился, расправил плечи и принял сдергивать с тела бинты, распугивая назойливых насекомых. Обнажились рубцы, прорезавшие спину едва ли не до кости. Работа погонщика – тяжелый и болезненный труд. Открытые раны в джунглях – верный способ умереть долгой и мучительной смертью. Черви, паразиты, насекомые, грязь и болезни проникали в тело беспрепятственно, и вскоре погонщик начинал опастываться из всех отверстий, потеть кровью и в итоге умирал в страшных муках. Но тем и отличался хороший погонщик от плохого – умением отдать приказ, нанеся себе как можно меньше ударов.

Раздался свист плети, звякнули грузики. На спине Амрита расползлась бурая полоса. Набухнув, она лопнула, выступило несколько капель крови. В ту же секунду лааш встрепенулись, помотали забинтованными головами и ринулись укладывать груз на траппагу. Бочки с вином и мешки с сухофруктами быстро перекочевали с пирса на широкое плоскодонное судно, увенчанное большим шатром на корме. Амрит следил за ними с плетью в руке, готовый повторить приказ. Мертвцы лишены воли, но не имеют и сознания. Их не заманишь изысканными яствами, развратными женщинами или звонкой рупией. Что лааш понимали по-настоящему хорошо – это боль. Но что толку стегать мертвую задубевшую плоть? А потому приходилось стегать живую.

Раджа предпочел не забираться на борт самостоятельно. Вынув длинную иглу из-под кожи на животе, он долго решался, потом ткнул себя в палец. Лааш бросили паланкин и зашагали к хозяину, но на полути разбрелись в стороны и застыли. Раздался рыкающий смешок.

– Великий раджа, – промурлыкал визирь, – для властвующего над мертвыми ты слишком боишься боли. Твой отец, да не истлеет плоть его, вел в бой целые армии лааш...

– Да. А еще он лишился руки и был зарезан шлюхой-наложницей! Не ставь мне его в пример! – отрезал Хатияра.

– Руку старый раджа потерял, когда пытался пленить меня в первый раз. Я помню, какова его плоть на вкус...

– Вишва! – раджа с силой дернул цепь, и громадная фигура многорукого тигра свалилась на каменные плиты, точно придавленная чудовищным весом. – Тебе лучше помнить, что теперь твой хозяин – я. И следить за языком.

– Да, повелитель!

– Мы готовы к отплытию! – возвестил Амрит.

– Отлично! – повернувшись к гвардии, раджа махнул рукой. Стоящий поодаль офицер-кшатрий кивнул и с силой потянул себя за кольцо в носу, да так, что юшка брызнула на золоченую кирасу. Тут же отряд из шести закованных в броню лааш двинулся к трапу, сопровождаемый жужжанием мошки.

– Галакат – мой телохранитель и будет сопровождать нас! – заявил Хатияра.

– Но, повелитель, нам придется проследовать через висячие болота Тикатик и обойти ямы Браштахара. Каждый живой на борту – невероятный риск. Бесхозные слышат человеческое дыхание за много акров, как и стаи плотоядных ос.

– А если на нас нападут мандрилы – ты отбиваться будешь своей плетью? Нет! Тем более, нужен кто-то, кто будет охранять плату паше Далалу от твоих грязных ручонок, – раджа небрежно ткнул в инкрустированный рубинами сундучок в руках слуги-лааш. Амрит невольно сглотнул – за одну только крышку на подпольных рынках Ачери можно было бы выручить достаточно, чтобы скупить всех лааш Каяматпura вместе с бочками и миррой.

– К тому же, с нами визирь, что носит мои цепи. Так что, трусливый погонщик, считай, что со мной ты в безопасности.

– Ваше слово – закон, о, повелитель! – поклонился в ответ Амрит.

* * *

Поначалу дорога была легкой. Проточные воды разбавляли эту часть болот, так что лааш гребли беспрепятственно, лишь оседали на веслах зловонные отходы, которыми жители Каяматпura щедро удобряли реку. Тупой нос траппаги тыкался в пятна пепла на воде – редкие богачи могли позволить себе кремировать усопших. Большинство предпочитали продавать умерших родственников на рынке невольников. Ходили слухи, что старикам нередко «помогали» поскорее освободить тело – за дряхлый труп давали невысокую цену.

Чем дальше от города, тем гуще становилось болото. Вода прекращала свое течение, закручивалась в водовороты, сгребая землю, осоку и кувшинки в бесформенные комья. Мангровые заросли склоняли свои ветви низко над проплывавшим под ними судном, наставив свои семена-дротики на непрошеных гостей. Вскоре пришлось перейти с весел на бамбуковые шесты, которыми лааш усердно толкали траппагу вперед. Раджа с визирем сидели под просторным шатром и о чем-то негромко переговаривались, Галакат же, лишенный опахальщика, был вынужден отгонять от себя бесконечные рои насекомых, размахивая руками, точно танцов-кастрат.

Амрит, как мог, оттягивал время до нового приказа – до очередного удара. Он почти видел, как крупная муха, угнездившаяся у него на лопатке, упорно проталкивает в ранку яйца. Вылупившись, эти твари начнут прогрызать себе путь наружу, подъедая мягкую, тронутую разложением плоть. Неопытные погонщики расковыривают свои раны, пытаясь извлечь личинок,

чем делают только хуже, истекают кровью и гниют заживо. Амрит твердо выучил уроки родной деревни – мухи едят лишь то, что уже не спасти.

Некстати вспомнилась масала, которую он пил с матерью в их последнее утро. Молоко в их доме было настоящей роскошью: в деревнях изгоев торговцы не появлялись, приходилось идти через каналы по шею в густой, точно нефть, грязи, взбираться на скалу Кобара, где обитали жуткие медноголовые монахи, и надеяться, что караван не застрянет или не сменит маршрут из-за толпы бесхозных.

Амрит усмехнулся, когда вспомнил, как забрался на скалу с полным мешочком кардамона, чтобы купить натх для своей Сидиси. Он прождал торговца два дня под проливным дождем, стараясь не попадаться на глаза монахам, выползшим ночью шипеть свои молитвы в звездное небо. Когда, наконец, натх – дешевый, медный, с крошечным изумрудом – оказался в руках Сидиси, она долго не могла поверить своим глазам. В деревне изгоев украшение, что цепляется за крыло носа – злая насмешка и непозволительная роскошь. В ту ночь она подарила ему любовь. А он ей – дитя…

– Эй, погонщик! – ткнул его кулаком в спину Галакат, выдернув из воспоминаний. – Так и будешь стоять, пока твои немощные дно ищут? У паши Далала нужно быть до заката грядущего дня, пока не полили первые дожди. Если по твоей милости мы застрянем в его гаремах, я лично раскрою тебе брюхо и зашью туда дикую кошку!

– Простите, досточтимый кшатрий, я задумался, – раболепно ответствовал Амрит, поклонившись. – Придется пустить лааш пешим ходом – шесты неправляются, болото слишком густое, пора закреплять цепи.

– Так закрепляй, сучье отродье, да побыстрее – великий раджа ждать не любит!

Сам Хатияра безмятежно хрюпал, растекшись по подушкам. По лицу его были щедро размазаны остатки фиников, которыми лакомились крупные черные осы. Лааш-опахальщик – предшественник Амрита – оставшись без внимания хозяина, усердно обмахивал блюдо с фруктами. Рядом на цепи дремал ракшас, оба хвоста беспокойно хлестали воздух. Будто почувствовав на себе взгляд погонщика, асур открыл один глаз, моргнул – сначала прозрачным веком, потом обычным – и вновь погрузился в дрему.

Лааш разматывали тягловые цепи, крепили их одним концом за крюки на бортах траппаги, другим – на кольца ошейников, после чего бесстрашно шагали в вязкие мутные воды Гандаги, чей ил кишел голодной ордой червей, болотных пиявок, раков и слепых рыб-падальщиков. Для человека такое погружение было смертельным – зловонные омыты поглощали все, даже крики несчастных. Старый раджа – отец Хатияры – казнил своих подданных, просто изгнав их в болота. Сам же Хатияра слишком опасался мести, поэтому всех своих недоброжелателей превращал в самоходную мебель.

Теперь движение стало не таким плавным – лааш то и дело застrevали в кустах, спотыкались о корни или просто ухали с головой в какой-нибудь омут, и теперь товарищам приходилось тащить их вместе с судном. Цепи шлепали по воде, натягивались и провисали. Именно в таких местах погонщик проходил проверку на пригодность – он должен был различать, когда идти быстрее было просто невозможно, а когда мертвцы теряли направление или забывали приказ, и тут уж не стоило жалеть сил, и Амрит не жалел – стегал себя так, что кровь брызгала на палубу. Впрочем, тому, кто привык расставаться с плотью, бояться ран не пристало.

На ночь было решено остановиться в тихой заводи, где поменьше мошки и от воды не так воняет гнилью. Галакат сошел на берег – влажное сплетение корней, – чтобы удостовериться, что место безопасно. Развесив меж деревьями цепи с колокольчиками, он развел дымный костер из влажных веток и благовоний, чтобы отпугнуть насекомых. Лааш-воинов, вооруженных прибитыми к запястьям катарами, он расставил по разные стороны берега. С мертвцами кшатрий управлялся отменно, похоже, учился с детства – несколько поворотов кольца в носу, и часовые, приняв приказ, встали на дозор.

Амрит вывел лааш на край палубы, чтобы с них стекла грязь, и принялся за осмотр. В целом, все было в порядке, только один сломал ногу, а другой где-то потерял целую кисть, благо тральщикам руки были ни к чему. Самых вымокших стоило заменить на свежих – если несколько дней подряд вести судно тралом, не меняя мертвцев, то по приезде их можно будет сразу продавать на корм. Мудрый погонщик всегда чередует лааш, не давая мацерации испортить подопечных.

Он уже начал снимать цепи с покрытых илом и водорослями трупов, когда за спиной гаркнул Галакат:

– Эй, погонщик! Тебя хочет видеть раджа!

Амрит кротко кивнул и поспешил в ярко освещенный шатер на корме. Раздвинув полог, он смиренно опустился на колени, ожидая, пока к нему обратятся.

– Повелитель, на следующем ходу этот слон лишит тебя двух колесниц, – мурлыкал ракшас, поглаживая фигурку из темного золота. Та изображала свирепого зверя с целой башней лучников на спине.

– Не смей подсказывать, я знаю! – обиженно ответил Хатияра. На доске для чатуранги оставалось совсем немного фигур благородного серебряного оттенка. Раджа трепал висячий подбородок, хмурил сбритые брови и тяжело сопел. Будто невзначай он потянул натх, соединявший ноздрю и мочку уха. В ту же секунду мертвая обезьянка спрыгнула на доску, разбросав фигурки, и попыталась стянуть слона прямо из руки асура. Тот расхохотался.

– Мой повелитель, раз уж надумал мухлевать, тебе стоит научиться лучше контролировать слуг. Если бы бедняки знали, что тебе придется исхлестать себя с ног до головы, лишь бы заставить лааш вступить в бой, они бы уже поставили тебе... Шах... – ракшас подтолкнул когтем неприметную пешку в угол доски, зажав миниатюрного человечка на троне меж двух колесниц. – И мат!

– Как так? Ты говорил, слон...

– Тебе ли не знать, мой дорогой раджа, что не стоит доверять словам демона? – прошипел визирь, после чего кинул взгляд жутких, слишком голубых и чистых глаз на Амрита. – Погонщик здесь, повелитель.

– Уже? Хорошо. Игра мне наскучила. Скажи, погонщик, ты знаешь, куда мы едем?

– К паше Далалу, повелитель.

– Верно. А знаешь ли ты, чем занимается паша Далал?

– Он – искусный укротитель асолов, повелитель, – услышав эти слова, визирь фыркнул, точно Амрит сказал что-то смешное.

– Все, что он сделал – это скупил всех моих собратьев, до которых смог дотянуться, уже закованными в цепи. Это они воплотили его пороки и грязные страсти в реальность...

– Вишвасагхаат говорит правду, – кивнул раджа. – Лааш – их изобретение, и без тайной власти асолов мертвое бы оставалось мертвым. Но паша Далал – отменный бальзаматор. Потому, почему у меня – самого богатого раджи от Ачери до Брахматала – нет своего гарема?

Вопрос застал Амрита врасплох. После долгого дня работы с плетью он не рассчитывал на светские беседы. К счастью, раджа не ждал ответа.

– Я нечасто подпускаю к себе живых людей. Моего отца зарезала наложница, против дяди взбунтовалась стражка, и даже моего старшего брата отравили еще до того, как он получил цепь раджи. Никому нельзя доверять. Кроме лааш. У них нет тайных мыслей, скрытых мотивов и алчных желаний, – мечтательно разглагольствовал раджа, делая вид, что не замечает, как ракшас морщится от омерзения. – Паша Далал достиг невиданных успехов в деле бальзамирования. Он научился сохранять ткани мягкими, глаза – живыми, а кожу – теплой...

– Без нас не обошлось! – рыкнул визирь.

– Это неважно. Теперь у меня есть возможность обзавестись гаремом, как и положено достойному радже. Завтра на закате паша Далал предложит мне на выбор двести девственниц.

К утру из тех, кто приглядывается мне, он сотворит превосходных, неотличимых от живых лааш. Говорят, он может снабдить им заветное место язычками или сшить шестирукую наложницу...

Пристрастия раджи не были новостью для Амрита – он прекрасно знал, кто скупает трупы девушек из бедных кварталов.

– Ты не понимаешь, к чему я веду этот разговор?

– Нет, повелитель.

– Забудь. Лучше скажи, та, брюхатая из твоих, была сегодня в цепях?

– Да, повелитель... Ей надо высохнуть...

– Посмотри мне в глаза! – вдруг рыкнул визирь, и Амрит машинально вперился в холодно поблескивающие алмазы на тигриной морде. Ракшас моргнул и прошипел злорадно:

– Он лжет, повелитель.

– Вот как? – ноздри раджи на секунду яростно раздулись, после чего он благодушно откинулся на подушки. – Небось сам хотел провести с ней вечер? Признавайся!

– Нет, повелитель, – сжатые кулаки Амрита дрожали, пришло спрятать их за спину.

– Давай же, ответь. Ты уже возлежал с ней?

– Нет, повелитель.

– Ложь, – раздалось шипение. Раджа расхохотался.

– Дважды! Дважды ты соврал мне! – происходящее явно веселило Хатияру. – Знаешь, не будь ты единственным погонщиком на судне – я бы уже заковал тебя в цепи к остальным, но сегодня, Амрит, считай, что я дарую тебе вторую жизнь. Не гневи меня больше – ступай и приведи ее.

– Не возражаешь, повелитель, если и я выйду на воздух? – с просящей интонацией промурлыкал асур.

– А что? Тебе не нравятся такие зрелища? Я слышал, при дворе Ямы, у тебя на родине, мертвые совокупляются с мертвыми, пока асуры поедают их плоть и отрыгивают, чтобы пожрать снова...

– Те, кто перешел грань бытия и попал в наши охотничьи угодья, сами выбрали такую судьбу, погрязнув в излишествах и грехе. Те же, кто заперт в тела лааш, ничего не выбирали – они заключены в гниющие тела против воли, лишенные сознания, но способные чувствовать все. Когда ты, повелитель, развлекаешься с ними, я слышу безмолвные крики их душ...

Раджа вдруг посерезнел и натянул цепь так, что демон был вынужден улечься у ног раджи, словно домашняя кошка. Ошейник и кандалы на ракшасе налились багровым светом, запахло паленой шерстью.

– Ты понимаешь, что в моей власти заставить тебя смотреть?

– Все в твоей власти, повелитель! – задушило прохрипел асур.

– Тогда ты будешь смотреть. И не смей на меня рычать – помни, что из живущих лишь я могу снять твои цепи! Погонщик, ты еще здесь? Я жду!

Амрит поклонился и, пятясь, вышел из шатра. С тяжелым сердцем он открыл бочку с беременной лааш, которой уже никогда не суждено разродиться. Погонщик привычно осмотрел труп – ни повреждений, ни признаков разложения, – она казалась почти живой. Поправив ей маску, Амрит взял девушку за локоть и повел к шатру.

Увидев раскрасневшегося от вожделения раджу, что в окружении чадящих ароматических палочек теребил свои вялые гениталии, погонщик едва сдержал тошноту.

– Только не снимайте маску. Вам... не понравится.

– Я сам решу... Ну-ка, иди сюда!

Вопреки сказанному, раджа вскочил сам и принялся наминаль полные груди трупа, перебирая свои яички другой рукой. Амрит был уже на выходе, когда Хатияра бросил:

– Погонщик! Ничего не забыл?

Со вздохом Амрит снял с пояса плеть и расплел один из хвостов, достал крошечный изумруд и протянул радже.

— Так-то лучше. А то вдруг эта тварь по твоему приказу задушит меня во сне! — с усмешкой принял Хатияра «сердце» лааш — предмет, что позволял владельцу диктовать свою волю мертвому. — И помни: завтра на закате мы должны быть у паши Далала.

— Да, повелитель.

* * *

Утренний туман стелился над болотами Тикатик, скрывая густую жижу от глаз погонщика. Здесь полегло много людей. Государи окрестных земель делили эти воды, обильно наполняя их кровью солдат и плотью лааш, разбойники устраивали засады, подкарауливали караваны, деревенские отправляли сюда детей, которых не могли прокормить, а медноголовые монахи приходили в эти земли за свежими человеческими глазами, чтобы читать священные скрижали.

Но сегодня воды Тикатик были спокойны. Лишь звон мошки и скрип траппаги нарушали тишину. Из шатра вышел раджа, голый, весь покрытый хитрой вязью игл, колец и цепей — атрибутами власти. Он что-то зевающе скомандовал Галакату, тот кивнул и дернулся за кольцо в носу. Воины-лааш устремились в шатер. Донеслось возмущенное:

— Не здесь!

Шестеро гвардейцев вытащили из шатра растерзанный труп — живот разошелся надвое, высушенные кишki разметались по доскам палубы, что-то откатилось в сторону с гулким стуком и распалось на куски. Одним мощным ударом раджа раздавил младенческую голову.

— Надеюсь, лааш паши Далала будут покрепче! — усмехнулся Хатияра, выразительно взглянув на телохранителя. Тот пожал плечами, после чего скомандовал:

— Можно!

Дважды уговаривать не пришлось. Гвардейцы как дикие звери набросились на труп и принялись откусывать от него, как от куска хлеба. Амрит отвернулся и, пожалуй, в первый раз в жизни порадовался, что вынужден скрывать лицо бинтами.

Покинув заводь, судно ускорилось — здесь Гандага расширялась, на пути тральщиков встречалось меньше препятствий. Траппага прилично разогналась, и Амрит всматривался в горизонт, теребя хвости плети.

Неожиданно впереди началось какое-то бурление, пошли круги, на которых лениво покачивались ряска и кувшинки. Всплыл один череп, поодаль — второй. Следом вся поверхность покрылась торчащими из воды головами. Пустые глазницы слепо плялились в сторону траппаги. Погонщик наотмашь рубанул себя плетью по плечу, и послушные лааш встали, как вкопанные, уперлись руками в борта посудины. Та затормозила так резко, что нос накренился, и по доскам палубы побежали тонкие ручейки.

От послеобеденного сна очнулся раджа, закряхтел, точно гигантский младенец.

— Ты что вытворяешь? Почему мы остановились? — незамедлительно последовала пощечина. Рука Галаката запуталась в бинтах на лице погонщика, и он брезгливо стряхнул их. Амрит поспешил закрыть лицо, но кшатрий успел увидеть щеку и место, где когда-то был нос. — Мерзость!

— В чем дело, погонщик? Ты разбудил меня! — капризно укорял раджа. — Тоже захотел сменить плеть на опахало?

— Бесхозные, повелитель, — сообщил Амрит. — Здесь их сотни. Нам повезло вовремя заметить.

— Должно быть, слуги вашего покойного дяди, раджи Пури из Дангай, — предположил визирь. — Они шли выше по течению, но, похоже, в сезон дождей их снесло сюда.

– Бедный дядя Пури... Его собственный народ взбунтовался против него. Какая низость! – возмущенно воскликнул Хатияр. – Вот почему доверять можно только мертвым.

– Возможно, он сейчас среди них, – оживился ракшас. – Знаешь, как он умер? Его заколотили в две лодки, чтобы только голова торчала наружу, а после – накормили смесью из меда и молока, чтобы он опростался из всех отверстий, и спустили вниз по реке. В его кишках набухали и росли черви, насекомые подтачивали его кожу изо дня в день своими маленькими челюстями, мухи откладывали яйца в его уши, птицы клевали его глаза... А стоило всего лишь не отбирать последние запасы у крестьян для ежегодного пиршества.

– Вишва! Я не нуждаюсь сейчас в твоих нотациях! Лучше скажи, что нам делать дальше.

– Прости, раджа, я лишь скромный визирь и забочусь о тебе и твоих подданных...

– Не ходи вокруг да около! Ты можешь подчинить их мне?

– Сотни бесхозных? – тигриная морда ухмыльнулась. – Один из моих братьев когда-то воскресил всех этих лааш и подарил их волю твоему дяде... Я могу передать ее тебе, но ты не выдержишь – они разорвут твой разум на мелкие клочки, а чтобы направить их, тебе придется снять с себя кожу и облизаться кипятком...

– Прекрати! – плаксиво пискнул раджа. – Что нам делать дальше?

– Повелитель, – позволил себе вмешаться Амрит, видя, как выпучились глаза кшатрия – он нарушал все рамки этикета. – Если позволите... Есть другой путь. Он дольше, но поможет обойти толпу. Надо свернуть у запруды, выйти к каналу, что ведет мимо скалы Кобара, а там рукой подать до Браштхара.

– Ты спятил, погонщик! – задохнулся от возмущения телохранитель. – Если тебе жизнь не дорога – прыгай в воду сам! Повелитель, послушай! Стоит подобраться к бесхозным, как они снимутся с места и будут преследовать нас до самого дворца! Лучше вернуться и нанять укротителей...

– Он говорит правду, – прошипел ракшас. – Однако... Как близко этот канал, погонщик? Если недалеко, ровно настолько, чтобы вы, живые, сдерживали дыхание, я мог бы отвлечь лааш. Если, конечно, повелитель согласится.

– Всего три караммы, раджа! – Амрит не обращал внимания ни на визиря, ни Галаката, а смотрел лишь на Хатияру. Распаленная вчерающим вечером похоть в сердце раджи боролась с презренным шакальным страхом. Задумавшись, он капризно выпячивал нижнюю губу и натужно кряхтел. Наконец раджа сделал выбор.

– Хорошо, погонщик. Я хочу быть у паши до заката. Риск не так уж велик, верно, Вишва?

– Лааш не угрожают тебе, мой повелитель! – мурлыкнул асур, расправляя плечи и становясь во весь рост. Руки бугрились мышцами, сквозь густую шерсть на груди просвечивали черные шрамы, хвосты яростно хлестали по палубе в предвкушении схватки.

– Это безумие! – пучил глаза Галакат, но спорить с раджой не решался.

– Все вы, – бросил за спину ракшас, встав на киль траппаги. – Когда я сойду с носа – задержите дыхание и не вздумайте пошевелиться, пока не свернете в канал. Погонщик!

– Да, мудрый визирь?

– Хлестни себя изо всех сил... и постарайся не заорать.

Размахнувшись, Амрит направил плеть высоко вверх, после чего увел ее вбок и вниз. Свистнули утяжеленные бусинами хвосты, а следом сознание погонщика наполнила боль. Мир потерял краски, разделился на черное и белое, распался на тридцать осколков – по одному на каждый глаз лааш, что стояли по шею в болотной воде. Приказ был прост и безрассуден – на прорыв к каналу, изо всех сил.

В ушах звенело, спина сочилась кровью. За пеленой слез Амрит видел ракшаса – тот спрыгнул с киля и, едва коснувшись хвостами воды, перемахнул на кочку, с нее – на торчащий корень, а потом на крошечный, с поднос размером, островок. За ним от руки Хатияры тянулась

бесконечно длинная цепь – звенья возникали будто из воздуха. Из воды вслед за черно-белой молнией тянулись серые тонкие руки, похожие издалека на скопления трупных червей.

Погонщик набрал полные легкие воздуха, оглянулся – раджа уже стоял красный как киноварь, глаза выпучены от натуги: долго не протянет. Тральщики привели судно в движение, траппага лениво набирала скорость.

Ракшас тем временем отражал натиск бесхозных. Те наступали волнами – покрытые илом и тиной, с выедеными глазами и распахнутыми пастьюами, они накатывали по десять-пятнадцать тел, заставляя визиря пятиться. На спину ему запрыгнула серая тень – обвисшие груди, длинные волосы, черный пучок между ног. Мертвая рабыня вцепилась зубами в мягкое ухо ракшаса, тот взревел и принял с еще большим осторожением размахивать всеми пятью руками, вспарывая животы, проламывая головы и расшвыривая напирающих лааш, но безуспешно – визирь скрылся под неровной серой массой.

Траппага медленно подбиралась к повороту, скрытому от глаз зарослями. Лааш старательно тянули судно, первый из них уже плюхнулся в чистый поток за толстым бревном, как вдруг островок под ракшасом сперва накренился, а после – ухнул под воду вместе с грудой мертвцев и визиром.

– Вишвасагхаат, ты куда? – глупо выкрикнул раджа, точно не верил в уязвимость своего слуги. Лишь мгновение спустя он запоздало заметил, как орды лааш, пробирающиеся к добыче, вдруг замерли и медленно повернулись на голос. Осознав, что натворил, Хатияра истошно завизжал:

– Гони, гони!

Выдернув из рук погонщика плеть, он сам свесился с киля и принял сцепать лааш.

– Шевелитесь, твари ленивые!

– Плеть, повелитель! Они слушаются меня, а не вас! – опомнившись, Амрит протянул руку за инструментом, но побоялся притронуться к радже, а на корму уже лезли мертвцы.

– Галакат! – взвизгнул раджа, пятясь к борту. Телохранитель среагировал быстро – первоначально дернул кольцо, уже покрытое запекшейся кровавой коркой. Мгновение назад стоявшие безучастно воины выстроились в ряд, отгородив живых от голодной орды, что подобно болотной воде хлынула на палубу. Катары свистели в воздухе, отсекая конечности бесхозных, из-за спин солдат хлестал уруми кшатрия – плеть из тонких листов стали снимала пласти гниющей плоти.

Траппага нехотя ползла к безопасным водам, но было уже поздно – бесхозные напирали, ползли по висящим над водой корням деревьев, шли по дну, падали с ветвей на палубу, точно перезрелые фрукты.

– Повелитель, по воде не уйти! – прошептал Амрит, наклонившись к уху раджи.

– И что делать? – обезумев от страха, раджа едва ли был способен соображать.

– Повелитель, я снарядил ваш паланкин моими самыми быстроногими лааш. По берегу мы сможем оторваться!

– Нет, я не могу... – Хатияра недоверчиво оглянулся – туда, где Галакат из последних сил сдерживал напор черно-серой зловонной массы. – Ты знаешь, сколько лежит в сундуке?

– Вряд ли больше, чем стоит ваша жизнь, повелитель, – заметил Амрит, чьи лааш уже перебросили трап на узкую травяную косу, ведущую к берегу.

Хатияра колебался недолго. Едва он взгромоздился на подушки, как свистнула плеть, и носильщики проворно понесли тушу раджи в густые заросли.

– Раджа! Не оставляйте меня! – Галакат не вовремя оглянулся на уходящий паланкин, и это стало его ошибкой – один из лааш перевалился через плечи солдат и вонзил лишенные плоти пальцы в глазницы кшатрия. Сначала раздалось чавканье, а следом – дикий нечеловеческий визг.

– Не смотрите, повелитель! – Амрит бежал рядом с паланкином, то и дело подхлестывая себя и задавая направление носильщикам. – Это его долг.

Оставив позади траппагу с мертвцами, погонщик и раджа поспешили затеряться в джунглях.

* * *

– Долго еще идти, погонщик? – капризно вопрошал раджа. – Я устал, голоден, а эти слепни скоро съедят меня живьем.

Толстяк и правда весь был покрыт красными пятнами от укусов. Путь через густой, увитый лианами и наполненный жужжащими насекомыми лес давался ему тяжко. Амрит же наоборот будто воспрянул духом, шагал легко и непринужденно, даже что-то насвистывал.

– Уже недалеко, повелитель! Разве ты не узнаешь эти места?

– Что ты несешь, откуда?

– Неудивительно, что ты не помнишь, раджа, – теперь в речи погонщика появились странные, наглые и злобные нотки, отчего Хатияре стало не по себе. – Прошло одиннадцать лет, любой мог забыть. Разве стоит деревенька изгоев внимания великих правителей, таких как ты и твой отец?

– Как смеешь ты хамить мне? Останови паланкин сейчас же! – раджа беспокойно заерзал. – Я хочу есть и пить!

– Осталось совсем немного, повелитель. Позволь мне развлечь тебя историей.

– Я не хочу никакой истории, я хочу вина и сластей! Останови их сейчас же! – Хатияра попытался спустить ногу с паланкина, но ближайший лааш хищно щелкнул зубами совсем рядом с пяткой. – Что происходит?

– Я вырос в маленькой деревеньке, – ровно начал погонщик, словно не заметив возражений. – Многие из нас были друг другу родней, и за это боги нас покарали – наши тела гнили заживо, совсем как у лааш, – Амрит с наслаждением разматывал бинты на лице, демонстрируя уродливые нарости и розовую дырку на месте носа.

– Ты – неприкасаемый! – с суеверным ужасом прошептал Хатияра. – Изгой! Я разговаривал с тобой! Ходил с тобой на одном судне! Какая мерзость!

– Не волнуйтесь, повелитель, я не заразен. Кто-то сказал бы, что наша жизнь хуже смерти, но и в ней мы находили свое счастье. Когда-то я тоже нашел свое. Ее звали Сидиси. Она была особенная… Нашего сына мы хотели назвать Сундар.

– Иди ты под хвост к Яме! – вскричал раджа. – Я слезаю!

Тонко взвизнула плеть, оставив длинный багровый рубец на лице правителя Каяматпурा, и тот, заскулив, постарался забиться как можно глубже в подушки.

– Мы выбрали имя Сундар, – как ни в чем не бывало продолжил погонщик, – но судьба распорядилась иначе. В нашу деревню явился ракшас. Он был изранен, ослаблен. Капли его черной крови падали и превращались в ядовитых змей. А следом явилась охота во главе с твоим отцом. Ты тоже был там – этакий бурдюк на лошади. Я тогда подумал, что никогда не видел таких толстых людей.

Раджа что-то обиженно хрюкнул, но побоялся ответить – след от плети до сих пор горел огнем.

– Ракшас рассказал мне, как все будет.

Неожиданно деревья расступились, и перед путниками раскинулась узкая заболоченная долина. Опустевшие хижины с провалившимися крышами медленно сползали во влажный овраг, раскинувшийся посередине.

– Он знал, что загнал себя в ловушку – эта долина окружена неприступными скалами. Ракшас понимал, что его схватят, поэтому поведал мне будущее. Как, заковав его в цепи, вель-

можи и укротители будут праздновать победу над асуром. Как будут пытать изгоев и издеваться над ними. Как молодой раджа возжелает молодую неприкасаемую и натравит лааш на всех, кто попытается вмешаться. И ракшас предложил мне сделку. Все, что я мог делать тогда – это стоять и смотреть, как сначала ты, повелитель, а потом и каждый солдат из свиты твоего отца надругались над беременной Сидиси... Вы порвали ей нутро, она истекла кровью еще до заката. Но ракшас обещал, что я стану лучшим погонщиком Каяматпура. Обещал, что мои лааш будут самыми послушными и крепкими от Ачери до пустынных земель. Что я смогу оплатить наложницу-убийцу для твоего отца, подкупить поваров, что отравят еду твоего брата. Лишь ты, оградившись толпами мертвцев, оставался недосыгаемым. Но ракшас обещал, что однажды ты, раджа, обратишься ко мне с заказом... Ракшас обещал мне месть.

Последние несколько шагов мертвцев преодолели едва ли не бегом, резко затормозив у самой лужи в центре покинутого селения. Лааш наклонили паланкин вперед, швырнули груз в грязный овраг, и правитель Каяматпура шлепнулся в черную затхлую воду. Почти同步но мертвцы размотали бинты на лицах – под маской каждого прятались нарости, поглотившие надбровные дуги, губы и нос – точно такие же как у Амрита.

– Они... изгои! – хрюнул раджа, отплевываясь.

– Да, раджа, они тоже. Я забальзамировал свою семью, а ракшас научил меня, как их воскресить. Всех, кто погиб от твоей руки. Я хранил их тела ради этого дня – чтобы они тоже увидели, чем все кончится. Сидиси... По твоей милости она присутствовать не смогла.

– Что? Что изгой мог предложить ракшасу?

– Свободу, – промурлыкало откуда-то сверху. Асур изящно спрыгнул со скалы, приземлившись в шаге от края оврага.

– Ты! – удивленно ткнул пальцем раджа. – Где твои цепи? Ты не мог сам... Тебя утащили бесхозные!

– Бесхозные? Ошибаешься, раджа, – ухмыльнулся Амрит, демонстрируя пузырящиеся десна. – У них был хозяин. Тот самый, что приказал перегородить дорогу, снять цепи с ракшаса и убить твоего телохранителя.

– Но как ты...

– Злая насмешка мироздания – ракшасы обладают бесконечным могуществом, но сами им воспользоваться неспособны. Я не врал, повелитель! Он действительно лучший погонщик! – расхохотался Вишва.

– Я не понима...

Голос раджи превратился в натужное сипение. Хвосты плети врезались под висячий подбородок – куда-то, где должна была находиться шея. Глаза Хатияры лезли из орбит, он пытался ухватиться за удавку, но сознание покидало его. Лицо посинело, язык вывалился, плеть прорезала кожу, пропустили рубиновые капли.

Убедившись, что раджа мертв, Амрит отпустил концы плети, и туши тяжело плюхнулась в лужу.

– И это была твоя месть, изгой? – поинтересовался ракшас. – Как неизобретательно.

– Еще нет. Я слышал, у воскрешенных душа остается внутри тела и гниет вместе с ним. Это так, ракшас?

– А я тебя недооценил...

Глаза асура сверкнули, на мгновение его тело стало прозрачным, похожим на клочок утреннего тумана, запахло дождем и серой – ракшас погрузился в загробный мир за душой Хатияры. А потом все стало прежним. Вишва почти нежно коснулся затылка бывшего хозяина, и тот завозился, захрипел в луже как большой жук.

Труп встал на ноги, его глаза разъезжались в разные стороны. Амрит мстительно вырвал кольцо из соска раджи и наскоро повязал его на плеть.

– Теперь все? – спросил ракшас, облизываясь.

– Вот теперь – все! – кивнул погонщик, усаживаясь на широкие плечи бывшего правителя Каяматпura. Привычно свистнула плеть.

Максим Кабир Полуденные тени

сейчас

Деревня была заброшена. Не обязательно заглядывать в каждое крошечное незастекленное окно, чтобы понять: жители давно покинули дома, оставили имущество ящерицам и скорпионам, запоздало осознали, каким глупым было решение поселиться в пустыне.

От приземистых зданий веяло запустением. Улицы сужались и ветвились. Всего десять минут назад обвешанные амуницией солдаты нарушили покой мертвой деревни, ноказалось, они вечность бродят под присмотром зорких бойниц и суетливых теней. Солнце припекало загривки, в пересохших глотках скребло. Но хуже пекла было ощущение чужого присутствия. И, резко обернувшись, молодой боец обнаружил, что его соратник, замыкающий шествие, пропал.

– Репен? – неуверенно позвал солдат.

Ему ответил тихий гул, зарождающийся в сердцевине деревни.

– Мон лейтенант... – солдат повернулся к офицеру, но тот то ли скрылся за углом, то ли был поглощен тьмой, склонившейся в глиnobитной хибаре.

Солдат остался один под палящим солнцем.

Гудение нарастало.

ранние

Повстанец засел на территории золотого прииска, укрылся за насыпью и оттуда вел огонь. Стрелял он вслепую, и свинец улетал в бескрайнее африканское небо. Полногрудые райские гурии, обещанные Кораном, ерзали, нетерпеливо ожидая повстанца на том свете. Скоро правоверный взлянет с ними – к гадалке не ходи.

Кристиан Линард привстал на одно колено в тени легкобронированной машины. Два автомобиля припарковались, подмяв кустарник. Команда разведки 1REC¹ состояла из пяти бойцов под руководством лейтенанта Бессо. Компанию им составляли солдаты регулярных войск во главе с чернокожим гигантом Диарром.

– По-моему, он слепой, – пожурил врага Эрик Лякомб. Лякомб закатал рукава камуфляжной куртки, бравируя татуировкой на предплечье: «Legio Patria Nostra» – «Легион – наша Отчизна».

– Отставить комментарии, – шикнул Бессо, выпускник Сен-Сира и афганский ветеран.

– Не сопротивляйтесь, – пробасил сержант Диарра в громкоговоритель. – Бросайте оружие и выходите с поднятыми руками.

Приказ возымел обратное действие: боевик прекратил палить в молоко и стал целиться. Пули свистели в знойном мареве.

Лейтенант подал Кристиану знак:

– Сними его.

Кристиан выпрямился и вскинул штурмовую винтовку. Навел дуло на насыпь. Нейтрализуя врага, он представлял себя проходящим «Spec Ops», «Tom Clancy's» или другой тактический шутер.

Тюрбан качнулся над насыпью, всплыли брови... Ствол «фамаса» исторг струю пара и свинцовую горошину в три с половиной грамма. Вправо улетела стальная гильза. Голова исчезла, окутанная розовым облаком.

¹ 1er regiment étranger de cavalerie – Первый кавалерийский полк Иностранного легиона.

– Есть, – отчитался стрелок.

По команде легионеры двинулись к мутной луже. В таких болотцах туземки промывали измельченные камни. Страна занимала третье место на континенте по добыче золота, но была одной из беднейших в мире.

Джихадист остекленевшими глазами наблюдал за врагом. Пуля угодила точно в лоб, расшивыряв по округе мозги, пропесоченные Кораном. Скоро прилетит вертушка, труп спеленают и похоронят, согласно мусульманским обычаям, головой в направлении Мекки.

Сержант Диарра присел возле земляка, пальцами опустил веки. Они были похожи внешне, Диарра и безвестный джихадист, но первый выбрал сторону президента и конституции, а второй встал на путь священной борьбы с кафирами.

Кристиан не чувствовал раскаяния или гнева. Внутри было пусто, как в небе: ни облачка. Вдруг зыбкая тень скользнула у его ног, словно туча мух или диких пчел зависла над прииском. Кристиан поднял глаза, но наверху не было насекомых, и роистая тень пропала. Только ветер заметал площадку пылью, и впитывалась в почву кровь повстанца.

сейчас

– Мон лейтенант?

Цепкий взгляд Кристиана хватался за нагромождение углов. Пыль и раскалившись камень – все, чем было это место, ну еще тьма, тьма под солнцем. В голову лезли непрошеные образы: застреленный джихадист, мухи, отсеченные головы животных.

Кристиан обогнул барабан, выросший посреди переулка. От сердца отлегло, он распознал перекресток, на котором разведчики разминулись.

«А ты думал, уровни видоизменяются по мере прохождения игры?»

Кристиан выглянул в арку, ожидая увидеть снаружи припарковавшийся бронетранспортер.

Мурашки побежали по коже. Вместо пустыни, откуда легионеры пришли, за аркой тянулись однотипные ряды зданий. Деревня впустила чужестранцев и захлопнулась, как створки раковины.

раньше

В школе у Кристиана Линарда был учитель по фамилии Мали. Месье Мали любил повторять: профаны в географии не видят дальше своего носа. Много лет спустя Кристиан узнал о существовании Мали, забытого Аллахом государства в Западной Африке. Страну раздирали политические распри. Кристиан поступал в университет, а в это время в Мали свирепствовали боевики Аль-Каиды. Военный переворот привел к анархии, отряды ополчения захватили северные районы и провозгласили Независимое Государство Азавад. Ополченцев выбили радикальные исламисты – их действия, в частности, уничтожение исторических памятников, ООН назвала преступлением. И тогда на арену вышел Иностранный Легион. За пять месяцев французские добровольцы освободили свою бывшую колонию от радикалов. Лякомб, участвовавший во взятии города Тимбукту, говорил: «Это было горячее дермо».

Пока Кристиан прогуливал лекции, слонялся по Парижским клубам, власти Мали восстановили контроль над территорией. Через два года после операции в стране оставался французский контингент, все еще случались стычки между мирными мусульманами-суннитами и группировками экстремистов, чущих законы Шариата.

Вылетев из университета, Кристиан поехал на вербовочный пункт Легиона в Обань. С апреля он следил за порядком в стране, чье название впервые услышал зимой, в процессе четырехмесячной подготовки рекрутов.

сейчас

В мертвых африканских деревнях не бывает по-настоящему тихо. Здесь все время что-то шуршит. Это сыпется песок, рушится кирпич, термиты облагораживают отнятое у людей жилье.

Помимо шорохов, Кристиан отчетливо слышал гул. Так журчат сотни тысяч мерзких мух. Гудело на соседних улицах, но, как только он сворачивал за угол, шум отдалялся в следующий проход.

Рация не работала. Гарнитура стала раздражающим придатком – хотелось сорвать и растоптать.

Кристиан набрал в легкие воздух, а когда выдохнул, увидел спину Эрика Лякомба. И мух, звенящих вокруг легионера, словно его шлем намазали чем-то притягательным – дерымом или кровью. Много странных мух, они будто растворялись в мареве и формировались снова, бесстесные как...

«Как тени», – вздрогнул Кристиан.

– Эрик, – он облизал сухие губы. – Ты видел Бессо?

Лякомб повернулся всем телом разом, точно стоял на движущейся платформе. Он улыбался. Мухи роились у лица, закрывали собой глаза легионера. И такой неправильной показалась Кристиану улыбка соратника, что желудок болезненно сжался.

Не шевеля губами, Эрик Лякомб изрек, как заправский чревовещатель:

– Бессо больше нет.

Тень упала на Кристиана, загородив от солнца. Он оглянулся, вскинув «фамас». Там никого не было – ни в закоулке, ни сверху, между домами, которые можно было длинноногого перешагнуть, с крыши на крышу.

Лякомб тоже пропал.

раньше

По возвращении на базу Кристиан и Бессо посетили с отчетом командира секциона, после чего Кристиана отпустили чистить оружие. Пока он добирался до столовой, весь режим знал о ликвидации террориста.

На родине обед легионеров длился полчаса: нужно было успеть на уборку и построение. Сузофицеры придумывали занятия для бойцов – не только изнуряющие тренировки и отработка тактики, но и бесконечная гладка, уроки французской грамматики или курсы автоворождения. В миссии можно было расслабиться.

Легионеры поделились по национальностям. Кристиан подсел за франкоговорящий столик. Лионец Карим Лофти, легионер первого класса – то есть отслуживший год – жонглировал титановым когтем, зажатым между пальцами. Халид Шабаки, сосед Кристиана по комнате, ел спагетти. Кристиан и Халид вместе подавали заявки, их выбрали из сотни претендентов, пройдя через медосмотры и многодневные марш-броски. Халиду на момент поступления было семнадцать, он приносил письменное согласие родителей.

– Ты, говорят, опять отличился.

– По мелочи, – буркнул Кристиан.

Карим царапнул когтем воздух:

– На что похожи человеческие мозги?

– Раскрои себе череп и посмотри.

– У него нет мозгов, – осклабился Халид.

Кристиан ловил на себе завистливые взгляды сослуживцев. Те из них, кто участвовал в освобождении президентского дворца, вновь жаждали настоящего боя. Новички же мечтали испытать свои навыки на практике.

– Покажи ему, – сказал Халид.

Нанизав коготь на средний палец, Карим передал Кристиану мобильник. На экране царил полумрак, луч фонаря шарил по грудам хлама. Снимали ночью, в какой-то подворотне.

– Что это?

– Окраины Тимбукту, – Карим пояснил, что взял вчера La Permission – увольнительную.

– И ты потратил ее, слоняясь по трущобам?

В стране действовали три враждующих группировки исламистов, племена туарегов еще лелеяли сепаратистские грэзы. Ошиваться окраинами было не самой умной затеей.

– Тихо, – встрял Халид. – Сейчас.

– Какого черта, малышка? – это Карим вопрошал из телефона. – Что за хрень?

Луч выхватил кирпичную стену и... хрень. Булыжники, сложенные пирамидой, торчащая вертикально рогатина со скругленными полумесяцем концами. У подножья пирамиды поклонилась отсеченная крокодилья башка. В свете фонаря башка скалила зубы. Кристиан остановил ролик, чтобы получше рассмотреть конструкцию.

На рынках Мали продавались черепа обезьян, уродливые в пергаментной шкуре мумифицированные головешки. Их предлагалось использовать в магических ритуалах.

Сознание Кристиана подкинуло картинку: обнаженная Валери поджигает черные свечи и манит его в начерченный на полу круг...

– Так что ты там делал? – спросил Кристиан.

– Пытался потрахаться, – ответил за товарища Халид.

– Я познакомился в баре с красоткой, – сказал Карим.

– С красоткой за тридцать баксов, – вставил Халид.

– Мы искали уединенное место...

Кристиан запустил ролик. Луч, поерзав по странному алтарю, метнулся в сторону.

– Малышка? – улица была пуста, слышались утробный гул и тяжелое дыхание Карима.

– Сбежала, как ошпаренная, – прокомментировал Карим видео.

– Вот здесь! – воскликнул Халид.

На мониторе Карим, лишившийся женской ласки, резко увел фонарь вправо. Луч озарил узкий проход меж домами. Там, в тупике, стоял ребенок. Камера не запечатлела подробностей, только абрис, словно кто-то потрудился в фотошопе, изъяв из картинки кусок в форме щуплого мальчика. Большеголовая тень замерла, поглощая свет. По тому, как луч дернулся, Кристиан понял, что Карим нервничает. Он и сам почему-то занервничал, глядя на экран.

– Эй! – ветер заглушал голос оператора. – Не бойся, я военный.

Грохот – будто одно из ветхих зданий обвалилось – заставил Карима подпрыгнуть. Замельтешило, Карим крутнулся, выискивая источник шума. В объектив вновь попал алтарь. Крокодилья голова исчезла, оставив темную кляксу. На последних секундах ролика луч вернулся в проход, но мальчик растворился во мраке.

– Круто? – ухмылялся Халид. Карим тоже улыбался, но в улыбке скользила фальшь. Ему не было весело там, в зловонной клоаке Тимбукту. Если бы темнота скрывала мятежника, он запросто воткнул бы нож в спину легкомысленного отпускника.

– А вдруг это был призрак? – распалялся Халид.

Прежде чем отдать телефон владельцу, Кристиан переместил бегунок к центру и несколько секунд рассматривал замершую тень. Луч выуживал из тьмы трещины на стене, но почему-то не рассеивал черную пелену вокруг скособоченного мальчика.

сейчас

«Призраки», – думал Кристиан, шагая по брошенному поселку. Валери, любовь, оставшаяся в прошлом, верила в загробное бытие. Каждый третий фильм, просмотренный вместе, учил, что призраки не появляются днем.

Но именно среди бела дня, под неистовым солнцем, Кристиан допустил существование привидений. А вдруг и Лякомб был гостем с того света?

«Потому что нас всех убили, вот он – ад, не котлы и вилы, а змеящиеся улицы, баобабы, пальмы».

Бессо больше нет. Лякомба, Карима, Халида больше нет. Разве это не объяснило бы, почему сдохла рация?

Кристиан свернулся в очередной проход. Хибары были обмазаны раствором, состоящим из муки, рисовой мякины, соломы и затвердевшего сока акации. Стены напоминали шкуру ящеров. По дороге сюда легионеры объезжали глиняный карьер. А может могильник, полный гниющих трупов. Здесь все было не тем, чем притворялось. И крошечная – если смотреть снаружи – деревушка оказывалась дьявольским лабиринтом без конца и края.

– Одно движение, – сказал голос из темных недр мазанки, – и я отстрелю твою башку.

ранние

Перед сном Кристиан размышлял о тенях, таких своенравных в этой части света. На соседней койке Халид уткнулся в ноутбук, из наушников доносился похотливый стон. Халид сунул пятерню под одеяло, и Кристиан намеревался сказать, что он дрошил в туалете, но язык не повиновался, веки отяжелели.

Ему приснился тренировочный лагерь. «Белое кепи» – назывался сорока восьмичасовой марш-бросок. Кристиан бежал, обливаясь потом, и слышал позади размеренную поступь, мягкие шлепки подошв. И так пугал его во сне этот незримый компаньон, что Кристиан мечтал об учебной тревоге, которая вырвала бы противным сигналом из лап кошмара, потому что земля засасывала ступни бегуна, и Кристиан знал: повернувшись, он обнаружит за спиной не человека, а гробовую тень.

сейчас

Но это был человек. Халид Шабаки вышел из дверного проема и будто вынес за собой клейкие частички тьмы: они налипли на впалых щеках и в глазницах. Утром Халид весил килограммов на пятнадцать больше.

– Стой смирно.

Он целился в Кристиана из винтовки. Он был испуган до чертиков.

– Эй! – Кристиан поднял руку примирительно. – Это же я.

– Откуда я знаю, что ты – это ты? Я считал, что Бессо – это Бессо. Карим – это Карим.

Логика Халида ускользала от Кристиана, как ускользали от прямого взгляда тени, копошащиеся в проулках.

– Остынь, чувак. Где все?

– Возможно, мертвые.

– Мы бы услышали выстрелы, так?

– Идиот, – Халид поморщился. – Ты ни черта не понял.

– Так объясни. И перестать тыкать в меня стволом!

Халид перевел взор в проход между домами.

– Ты видел детей?

– Детей?

– Сраных детей! – завопил Халид. – Ты оглох? Ты видел черных детей, как на видео Карима?

Короткостворенные волосы Кристиана вздыбились под каской. Словом «черные» его сосед окрестил вовсе не цвет кожи. Он подразумевал суть.

– Здесь нет детей, – тихо возразил Кристиан.

– Да, – согласился Халид. – Наверное, они не дети. Наверное, они твари, демоны. – Он сфокусировал взгляд на Кристиане и изможденное смуглое лицо вытянулось. – Муха! – ахнул Халид. – У тебя на лице чертова муха!

Кристиан обмахнул ладонью щеки и лоб. Муха, если и была, упорхнула.

– Дерьмо! – истерический взвизг надломил голос Халида. Он дернул спусковой крючок – одиночный выстрел, как учили в Обани. Пуля шлепнула Кристиана в левую сторону груди.

раньше

В четверг был выходной. Кристиан отчитался перед дежурным капрал-шефом, сверился с листом приказа и отправился в Бамако.

Столица производила удручающее впечатление, хотя выигрывала в сравнении с прочими дырами Мали. Здесь хотя бы имелись сносные дороги и основательные колониальные здания. В пробке скапливались чумазые маршрутки и бесчисленные мопеды. Двухколесный транспорт перевозил двоих, а то и троих наездников. Умельцы модернизировали автобусы, убирая стекла и расширяя окна, на крыше крепились тюки, а на закорках катили безбилетники. Справа и слева от асфальтной полосы раскинулось болото; пешеходы, коровы, ослы месили рыжую глину.

В клубах пыли на пустыре подростки гоняли мяч. Их дранные майки рекламировали «Фанту», «Сникерс» и прочие западные бренды. Кристиан приструнил желание сфотографировать футболистов. Некому хвастаться колоритом Мали: соцсетей Кристиан избегал, и на родине никто не ждал от него весточки. С матерью он разругался. Сокурсники считали Кристиана диковатым. В лагере у кандидатов отбирали телефоны. Пройдя четырехмесячную дрессуру и заново обретя средство связи, Кристиан понял, что ему больше некуда звонить. Валери жила новой жизнью, отдавалась на пентаграммах новому счастливчику.

Лучший стрелок в наборе, Кристиан присягнул Легиону, и Легион стал его другом, его Валери.

На обочинах разместился стихийный рынок, источник сладковатой вони. Торговцы предлагали ковры, бензин в пластиковых бутылках, китайские кроссовки, сущеных хамелеонов, шкуры енотов, закодлованные ножи. Мухи погребли под серой массой сырью баранину. Мясной ряд вызывал тошноту.

Валери была вегетарианкой. Вообразить ее здесь, в Бамако, никак не удавалось. Чтобы отговорить Кристиана, Валери зачитывала воспоминания дезертиров и показала фильм про Легион. Там молодого Тома Харди закапывали заживо в могилу: вот, что творится в твоем Легионе, говорила ликующая гримаса Валери. Единственная армия, которую она признавала, была армия Люцифера, в дни страшного суда противостоящая небесному спецназу. Романтичная Валери, конечно, вставала на сторону демонов-радикалов.

Кристиан так и не успел поведать ей, что в гарнизоне не было ни избиений, ни, тем паче, закапываний. Только оплеухи, козни капралов, нудная муштра, отработка маневров на грузовиках, добывание пищи в экстремальных условиях.

Валери, дочь финансового инспектора, крестная дочь Сатаны, в отличие от Кристиана никогда не голодала.

Красно-желто-зеленый флаг Мали развевался над площадью, но было и тщательно замалеванное, простирающее сквозь краску, черно-белое знамя Джихада на фасаде здания, память о подавленном восстании. Посольства помечались мотками колючей проволоки, мелькали в толпе голубые каски бангладешских миротворцев. Спокойствие было хрупким, как косточки Валери.

В магазине Кристиан приобрел упаковку экспортного пива, обогнул рынок скутеров и горы покрышек у шиномонтажной мастерской. Нужный дом затесался среди манговых дерев-

вьев. Фасадная стена вытягивалась над плоской крышей зооморфными рожками. Кристиан постучал.

Даже сняв форму, сержант Диарра был вылитым солдафоном. Под линялой футболкой перекатывались мускулы, дополнительной мышцей казался наметившийся пивной живот. Выпученные глаза посмотрели на гостя холодно, но через миг улыбка тронула мясистые губы.

– Бонжур!

сейчас

«Бонжур. Меня застрелили. Позовите святого Антония, он считается покровителем Легиона. Пусть замолвит словечко. Как удачно: на время командировки моя страховка удвоилась».

Кристиан открыл глаза. Ребра саднило. Он потрогал грудь и горячую пулью, увязшую в слоях бронежилета. Ощущение было такое, словно его долбанули тараном. Кристиан сел, готовый разразиться проклятиями в адрес стрелка.

В грудь будто пнули повторно.

Халид болтался на ветке баобаба, удавленный собственным ремнем. Сколько времени понадобилось ему – если это был суицид – или убийцам – если суицида не было? Двадцать секунд? Сорок? Невозможно повеситься за сорок секунд!

За сорок секунд невозможно начать разлагаться.

Кристиан отползл, пачкаясь в пыли, таращясь на потемневшее лицо Халида. Кое-где кожа полопалась, выпустив струйки гноя. Труп покачивался то против часовой стрелки, то по часовой, глаза обвиняюще взирали из-под полуоткрытых век.

В этом не было никакого смысла. Кристиан вскочил, затанцевал, целясь вокруг себя, тщетно покричал в радио.

У Халида в Париже осталась подружка, он показывал сослуживцем снимок, сделанный в Jardin des Plantes, ботаническом саду. Он хотел сделать ей предложение и уговорить на секс втроем.

Кристиан отринул дурацкие мысли, как назойливую муху.

Муха... что за околосицу нес Халид?

Всплыло в памяти лицо Лякомба, облепленное насекомыми. Кристиан подхватил винтовку Халида и посеменил по проулку, а удавленник смотрел ему вслед. Он знал о Кристиане Линарде то, чего не знали психологи, соратники, Валери. Знал про мертвеца на унитазе.

раньше

Кристиан и Диарра неоднократно сталкивались на патрулировании, даже номерами телефонов обменялись. После стычки с террористом сержант предложил французу поужинать вместе. Кристиан согласился.

Они устроились на заднем дворе в тени развесистого дерева, которое вроде называлось тамаре. Хотя в столовой легионеров сносно кормили, у Кристиана при виде домашних блюд потекли слюнки. Курица в подливе с луком, политый арахисовым соусом рис.

– Вы живете один?

– С матерью. Она недомогает. Ваши родители живы?

Кристиан не был уверен, но кивнул.

– Если не секрет, почему вы решили пойти в спецназ?

В Обани не спрашивали о мотивациях ангаже волонтеров. Прошли времена, когда Легион становился приютом для бегущих от тюрьмы преступников. Личности соискателей пробивались через Интерпол, а основной причиной, по которой парни мечтали заполучить карт-милитер, были банальные деньги. Тридцать тысяч евро за полгода в Африке.

— Проблемы с законом, — сказал Кристиан честно. — Ничего серьезного... — в голове мелькнула картинка: залитый неоновым светом туалет, тощий темнокожий студент сидит на унитазе, его рот распахнут, жгут перехватил предплечье, Кристиан протягивает дрожащую руку, чтобы потрогать пульс. — Травка, — добавил Кристиан. Диарра понимающе хмыкнул.

Того студента звали Малик. Он подсел на иглу недавно. Сам Кристиан не употреблял наркотики, но приторговывал марихуаной, чтобы водить Валери по клубам. Осеню он расширил ассортимент, прибавив к траве амфетамины и героин. Героин оказался некачественным, а запястье Малика — холодным, как замороженная рыба. И тщетно Кристиан нашупывал пульс. Малик умер в общественном сортире. Кристиан плакал, спеша по ночному Парижу.

За забором горланили козы. Диарра спрашивал о Франции, Кристиан — о Мали.

— Мы заслуживаем лучшей жизни, — сказал Диарра. — Никто не должен жить вот так.

Но у сержанта был крепкий дом и задний двор, и мясо на столе, а большинство его сограждан жили в норах. Они купались в грязных водах Нигера, ели из мусорных контейнеров и ждали очередного переворота.

Мочевой пузырь переполнился кислым пивом. Хозяин подсказал маршрут, и Кристиан вошел в дом. Туалет был узким пеналом с дырой в полу. Кристиан помочился, смыл за собой, используя ведро. В коридоре его позвали по имени.

Он узнал этот голос, доносящийся из глубины дома в безобразном городе, в безобразной стране. Голос принадлежал Валери.

сейчас

Валери... Он отдал бы все, лишь бы очутиться в ее прохладной студии, в пяти минутах ходьбы от Сакре-Кер. Он бы сказал: ты права, за колышущейся холстиной реальности воет бездна, ад похож на африканскую деревню. Он бы обнял Валери, утопил лицо в ее волосах и закричал.

Квадратные домики из навоза и глины отбрасывали длинные тени. В полдень солдаты пересекли границу деревни, и полдень показывали часы Кристиана сейчас. Секундная стрелка испуганно трепетала в рамках двух черточек. Время остановилось. В аду всегда двенадцать, но это не полночь.

Кристиан не мог сказать, как долго мечется по проклятым улочкам, врезаясь в тупики. Он воображал, что за углом поджидают, скаля зубы, мертвцы. Джихадисты с вытекшими мозгами. Малик, который при жизни так робко и белозубо улыбался, но в посмертии наверняка отрастил длинные клыки.

Лякомб сошел с ума. Халид сошел с ума и повесился. А Бессо? Репен? Карим?

Компас сломался. Ориентация на местности не приносила плодов. Кристиан перевел дух и двинулся вперед. К источнику навязчивого гула.

раньше

...навстречу голосу Валери.

Кристиан представил девушку с волнистыми каштановыми волосами, она стоит у окна в футболке, надетой на голое тело. И все это было сном: учебка, присяга, Мали, мертвые повстанцы и мертвый Малик на фаянсовом унитазе. Кристиан не покидал Париж, он просто задремал в ванной, сейчас они с Валери будут смотреть какой-нибудь фильм, один из ее любимых ужастиков, «Ребенка Розмари» или «Омен». Валери планировала назвать будущего сына Демьяном, купить для него черную коляску.

Словно все муравьи Африки вскарабкались на спину Кристиана и устроили парад. Он шел, как по тонкому льду, боясь провалиться в пучину безумия. Этого не могло быть... и этого не было. Как только он свернул за угол, стало очевидно, что слух обманул его. Голос, дребезжащий, надломленный, не имел ничего общего с голосом Валери.

Кристиан переступил порог комнаты, обильно увешанной коврами. На кровати сидела женщина, старуха, с головой укутавшаяся в одеяло. Наружу торчала морщинистая мордочка, приплюснутый нос. Белая дымка катараакты залила круглые глаза. Слепая старуха выпутала из-под ткани руку, скрюченный палец указал точно на визитера.

– Кристиан! – каркнула женщина. – Что с твоей тенью, Кристиан? Твоя тень больше тебе не принадлежит?

Периферийным зрением Кристиан уловил движение справа. Будто облако мух кружилось в полумраке. Он сместил взор. Мухи были, но не рой, как ему представилось, а всего-то три сонных экземпляра. Они носились вокруг пирамидки, сложенной из булыжников, водруженной на стол. Булыжники удерживали разветвляющуюся палку, концы которой сворачивались внутрь рожками. У подножия пирамиды гнила отсеченная голова сервала. Пасть дикой кошки жутковато скалилась. Муха ползала по зрачку.

– Мама, почему ты не спишь? – это Диарра подкрался сзади. Кристиан все таращился на алтарь, на оскаленное жертвоприношение. Мордочка старухи утонула в складках одеяла, спеленатая фигурка качнулась из стороны в сторону, а с ней качнулась по настенному ковру бесформенная тень.

Лицо Кристиана размораживалось, как вынутый из холодильника ломоть баранины. На заднем дворе он залпом опустошил бутылку и сказал:

– Она позвала меня по имени.

Диарра произнес, как ни в чем не бывало:

– Я говорил ей, что ко мне придет друг. И упоминал ваше имя.

– Та пирамида с рогатиной... Я уже видел такую в Тимбукту.

Диарра улыбнулся, но его навыкате глаза с красноватыми белками оставались суровыми, неулыбчивыми.

– Девяносто процентов малийцев исповедуют ислам. Девяносто – не сто.

– Вы – язычник?

– Я чту предков и их традиции. Можете считать меня дикарем.

– То есть, кошка – это подношение богам?

– Своеобразная защита от теней. Вы не замечали, что тени здесь ведут себя своенравно? Кристиан отрицательно мотнул головой.

– Друг мой, – выпученные глаза сканировали гостя. – Не сталкивались ли вы с чем-то, что официальная наука не в силах объяснить?

сейчас

В тени эпинара легионер первого класса Карим Лофти потрошил легионера второго класса Люку Репена. Он вскрыл ему брюхо и ковырялся в кишках, вынимая бурье вонючие грозди. Все это было буднично, будто тренировка в лагере, когда один из волонтеров исполняет роль трупа. Просто Репен, худой и лопоухий бельгиец, слишком вжился в роль.

Кристиан застыл, потрясенный вонью экскрементов, обилием красного и коричневого. Карим будто услышал бешеное биение его сердца. Повернулся и вытерся предплечьем, размазал кровавую помаду по ухмыляющимся губам. Словно пчелы вокруг улья, вокруг головы Карима летали мухи. Странные черные точки.

– Зачем? – в этом слове сконцентрировалась уйма вопросов. Зачем ты вытащил требуху из бедного Репена, зачем ты так смотришь на меня, зачем мы здесь, и где это – здесь?

Карим неторопливо слез с трупа и запел:

– В далекой пустыне был найден мертвым мой легионер...

«Это песня Эдит Пиаф», – узнал Кристиан. Титановый коготь, орудие убийства, скользил между пальцев Карима. Мягко, на цыпочках, как балерина, ступал Карим и пританцовывал, поднимая вверх окровавленные руки.

– Его синие глаза были широко раскрыты на мир...
– Стой! – Кристиан вскинул «фамас».
– Молодой, стройный, красивый, он зарыт в пустыне... – мухи рисовали невидимые спирали, облетая голову Карима.

– Остановись! Ни шагу!
– С ярким лучом в волосах под горячим песком!

На последней строке Карим выбросил в сторону Кристиана кулак с когтем. Раздался выстрел. Пуля угодила безумцу в лицо, разорвала щеку и оплескала мозгами глиняную стену. Карим упал подле своей жертвы. Голубые глаза уставились в небосвод, а муhi исчезли, потеряв интерес к простреленной голове.

Шокированный Кристиан уставился на Диарру, невесть откуда взявшемуся в поселке. Одетый в шорты и безразмерную футболку, великан опирался на метровый посох, раздавающийся подобием гаечного ключа. В правой руке сержант сжал пистолет.

– Идем, – сказал он, опуская оружие. – Я кое-что тебе покажу.

Строчки Эдит контуженным эхом звучали в ушах. Кристиан мог сколько угодно искать разумное объяснение происходящему (наркотики, малярийный бред, военный эксперимент), но он принял – еще не осознал этого, но подспудно принял – самую иррациональную из версий. В пустыне взвод столкнулся...

раньше

...с чем-то, что официальная наука не в силах объяснить?

Диарра смотрел испытывающее.

– Нет, – сказал Кристиан.

«Да», – подумал он, мысленно телепортировавшись в квартиру-студию Валери. Раннее утро, за окнами дождь скрипит карнизом. Обнаженная Валери посапывает, свернувшись клубочком. Огарки черных свечей и пентаграммы – следы вчерашнего ритуала, дурацкой блажи, которой Кристиан вынужден подыгрывать. Она хотела призвать демона, будто второго мужчина пригласить в постель, неровен час, Кристиан начнет ревновать подружку к обитателям ада.

Он трет глаза, пытаясь понять, что именно его разбудило, и чувствует на себе пристальный взгляд. Чувствует постороннее присутствие. Он оборачивается так резко, что позвонки хрустят. У гардероба, напичканного дорогими шмотками, сгорбилась тень. Нет ничего, что могло бы ее отбрасывать, но сама тень есть. Она шевелится. Она смотрит на глупых людей, которые вызвали ее.

Кристиан зажмуривается и считает до десяти.

– Нет, – пробурчал он, борясь с внезапной изжогой.

«Нет, так нет», – читалось в понимающей улыбка сержанта.

– Что не так с тенями? – Кристиан постарался придать вопросу шуточный, легковесный тон.

– Они не то, чем кажутся, – ответил Диарра.

сейчас

Площадь притаилась сразу за углом. Дома кольцом обступали широкую проплешину. Посредине лежала каменная плита, поверженный обелиск в человеческий рост.

– У нас мало времени, – сказал Диарра, останавливаясь. – Они близко.

– Они?

Плита треснула пополам, рассыпалась, как печенье. Диарра провел ладонью по серому камню, по высеченной арабской вязи. Толстый палец указал на лунку, в которой прежде гнездился обелиск. Дыра напоминала скважину почтового ящика.

– Они пришли из-под земли. Мы называем их кашта брути – полуденные тени. В исламе их именуют «гули».

Кристиан замер над дырой. Она казалась бездонной: брошенный вниз камушек канул в изначальный мрак. У Кристиана заныло в висках.

– Как вы узнали про это место?

– Ты привел меня сюда, – Диарра скинул с плеч рюкзак и высыпал на землю круглые булыжники.

– Нет, это вашу машину мы обнаружили у деревни!

Сержант снял бейсболку и протер пятерней бритую макушку. Как огромный ребенок, воящийся на пляже с песком, принял складывать из булыжников пирамиду.

– Полуденные тени, – говорил он, – рыскают по Мали. Мы, колдуны, пытались их прогнать. Мы делали алтари там, где люди встречали кашта брути. И мы искали источник, лено, которое их породило.

Кристиану померещилось, дыра щурится, как глаз. Он испугался, что площадь провалится и воронка засосет живых в преисподнюю.

– Нужен был человек, отмеченный темными силами. Тот, кто носит на себе печать смерти, тот, кто видел тьму в любом проявлении.

– Мы просто играли! – выдохнул Кристиан. – Мы вызывали дьявола, это была шутка.

Диарра мрачно усмехнулся. Пирамида росла.

– Я понял, как только тебя увидел. Твоя тень не повиновалась тебе.

Кристиан уставился на плоское черное пятно, пролившееся от его ног к плите. Пятно притворялось солдатом, увенчанным винтовками.

– Я решил использовать тебя, как компас. Я всюду следовал за вашей группой, потому что тьма притягивает тьму, и рано или поздно ты пришел бы к источнику. Но их становилось все больше. Они вселялись в моих братьев и сестер.

Кристиан подумал о Кариме, изгваздавшемся в крови бельгийца.

– Я позвал тебя в гости, – Диарра всунул посох в груду булыжников, укрепил стоймя. – Я взял пивную бутылку, из которой ты пил. Отколол горлышко и бросил его на карту страны. Горлышко падало в одну и ту же точку в пустыне, всегда в одну и ту же.

Диарра отстранился, оценивая результат стараний. Тень скругленных рожек ложилась точно на скважину. Голос в голове инструктировал тоном учителя географии месье Мали: в Африке водятся гепарды, гиены, шакалы, бегемоты, призраки...

– Я приехал сюда в надежде запереть кашта брути. Но заперли меня. Коза, которую необходимо было принести в жертву, пропала, когда я отвлекся на миг. Деревня изменилась. Мышеловка захлопнулась, и из нее не выйти.

– Чего они хотят? – спросил Кристиан.

– Играть нами, как куклами. Быть нами, – Диарра кивнул на обелиск. – Давным-давно колдуны заманили кашта брути в ловушку и запечатали внизу. Они построили деревню, чтобы следить за темницей, но и плененные, кашта брути добрались до своих стражей и свели с ума. Джихадисты рушили памятники, они разрушили обелиск и позволили легиону теней выйти на свободу.

Диарра задрал подол футболки, оголяя висящие на поясе ножны, вынул устрашающий клинок. Кристиан отреагировал, вскинув винтовку.

– Нам нужна голова, – сказал сержант. – Человеческая тоже подойдет.

раньше

Около девяти Кристиан покинул дом Диарры, дом, где изумрудная муха ползала по зрачку сервала. Площадь была забита мотороллерами, напоминающими железных кузнецов.

Эрик Лякомб рассказывал про адьюдан-шефа, который прошел ряд горячих точек, но пытался вскрыть себе вены, узнав об измене подружки. Кристиан был рад, что Валери бросила его до отъезда в Африку. Он сходил с ума, если она пропадала на несколько дней. Он ненавидел дискотеки, но исправно плелся за возлюбленной по клубам. Потакал ей, изумляясь, как богатая, начитанная, изумительно красивая девушка могла выбрать неотесанного мужлана, коим он был,bastardом парижского бальне.

Валери окружали высоколобые ботаники, философствующие о смерти, рано или поздно он бы убил одного из них. Выяснилось, что он хорош в этом деле: убивать. Пулей или плохим героином.

В последний раз Кристиан видел Валери в их любимом ресторане на конечной «Монмартрбюса». Он не стал подходить, смотрел издалека, стиснув кулаки в карманах, как она щебечет о чем-то со стильным брюнетом: о Папюсе ли, Лавее, Полански. Ее дьявол был игрушечным, пошленьким и фальшивым, Валери не заслужила блага быть задушенной в подворотне ревнивым любовником.

Кристиан выскользнул из ресторана и растворился в красном свете фонарей.

В трех с половиной тысячах километров от Парижа он остановился, разглядывая свою тень. Эфемерный двойник, призрачный спутник, распростерся на глине. Повинуясь порыву, Кристиан поднял правую руку, затем левую, похлопал ладонями. Выдрессированная тень повторила его телодвижения.

сейчас

«Помешай ему, – приказывал внутренний голос. – Не дай надругаться над трупами».

Но Кристиан молча шел за Диаррой. Спотыкался, но шел.

Потому что солнце стояло в зените последние несколько часов. Потому что за хибарами гудел хаос. И только Бастилией для демонов могло являться это место, ничем иным.

Затем Кристиан увидел тела. Они лежали в тех же позах, вот только ни у Репена, ни у Лофти не было головы. Мухи вились над пеньками шей.

– Нет! – отшатнулся Диарра. Заметался по проулку, панически соображая, уставился на легионера. Их разделяло два метра, и Кристиан различил муху, которая выбралась из-под правого века Диарры, проползла по глазному яблоку и пропала в слизистой.

– Вот черт! – Кристиан направил ствол в грудь сержанта.

– Нет-нет-нет, – тот выхватил пистолет. Тыча оружием в хибары, закричал:

– Меня зовут Сулейман Диарра! Мою тень зовут Сулейман Диарра! Меня зовут...

Грудь сержанта взорвалась лоскутьями ткани и кожи. Пули изрешетили туловище, отбросили Диарру к глиняной стене. Ошарашенный Кристиан направил винтовку в проулок. Ему навстречу беззаботно шагал Бессо. На ходу Бессо докладывал в шлемофон:

– База, у нас четыре трупа. Боевик устранен. Ждем вертолет.

Бессо приблизился, тень соскользнула с него, как черный шелк. Мухи облепили лицо лейтенанта, они пировали, собирая влагу из пор. Глазницы закупорили две серые жужжащие кучки.

– Убей его, – просипел Диарра. Кровь текла по подбородку сержанта. Простреленные легкие свистели.

Бессо посмотрел мушиными глазами на «фамас» в руках подчиненного. Вскинул удивленно брови:

– Легионер второго класса Линард! Немедленно...

Договорить помешала пуля, раздробившая лейтенанту лоб. Кристиан опустил штурмовую винтовку и разрыдался.

раньше

На утреннем брифинге раздали задачи и сформировали боевые группы. Бронетранспортер ехал мимо ржавых дорожных щитов и расстрелянных рекламных баннеров. Дохлый варан пометил кровью дорогу.

Эрик Лякомб черкал ручкой в блокноте, шевелил губами, сочиняя рифмы и панчи. Карим Лофти поигрывал титановым когтем. «ВАБом», совместным детищем «Рено» и «Савье», управлял Люка Репен. Он получил сигнал с базы: дрон засек в пустыне подозрительный автомобиль.

– Меняем курс, – сказал Бессо.

Тринадцатitonная машина покатила по бездорожью. Автомобиль – пикап Тойота – стоял у деревушки, напоминающей маленькую крепость. Высокие древние стены оберегали дома от посторонних глаз. Легионеры спешились. Ветер сыпал песчинками в раскрытые дверцы пикапа.

Бессо продиктовал по радио номера Тойоты. С «фамасами» наготове бойцы двинулись к арочным воротам. Плотно скученные дома источали жар. Тьма в распахнутых настежь дверях словно бы закипала.

Кристиан подумал, что уже бывал в этой деревне – проходил точно такой же уровень в каком-то шутере, только там по улицам носились куры, а здесь не было ни кур, ни людей.

Он мысленно размял пальцы над умозрительной клавиатурой и шагнул в проулок.

сейчас

По традиции, вероятно, берущей начало в Алжире, офицеры легиона отдавали часть приказов на арабском. И у Кристиана, идущего под яростным солнцем, звучали в голове арабские слова:

«Шуф мешта!» – «Наблюдай за домами».

Мрак в хибарах был материальным, плотным и алчным. Он поедал глупых ящериц и тек вслед за чужестранцем ручейками теней.

«Шуф мешта».

Кристиана клонило в сон. От теплового удара поднялась температура. Губы растрескались и кровоточили, но он был жив, в отличие от товарищей, от Диарры. Возможно, его ждет трибунал, военная прокуратура решит, легионер сошел с ума и перестрелял сослуживцев. Его запрут в клетку, какое счастье: охраняемая клетка реального мира.

Кристиан отшвырнул каску, сбросил бесполезный бронежилет. На перекрестке восседал обезглавленный труп, татуировки помогли идентифицировать Эрика Лякомба.

«Я остался один», – подумал Кристиан.

Зашипела рация, внушая ложную надежду. Прорезалась музыка, что-то электронное, и далекий голос:

– Алло! Это Малик! Ты куда пропал, брат? Прикинь, я вырубился на толчке. И теперь не могу выйти из туалета! Спустись ко мне, тут чертовски жарко, спустись ко мне в ад, я тебя жду!

Кристиан метнул рацию в оконце хижины и продолжил путь.

В полдень он добрался до площади. Он подумал, что парижские сады пылают сейчас осенним огнем, прохлада обдувает лица пешеходов, а по утрам туман окуривает башню Монпарнас. На террасе кафе Валери улыбается, внимая пространным речам друзей, и вдруг замирает. Вянет улыбка. Она представляет Африку, что-то подсмотренное в экзотических фильмах.

Интересно, та тварь, навестившая Кристиана в предрассветных сумерках, она пометила и Валери?

Чтобы не упасть, Кристиан ухватился за рогатину. Пошатываясь, встал у алтаря. Поднял взор к раскаленному желтку в зените. Он улыбнулся, воображая собственные похороны: траурный кортеж, гробы накрыты флагами, все шестеро бойцов посмертно становятся кавалерами ордена Почетного легиона. Президент Макрон выступает перед Hôtel des Invalides.

Жгучая слеза прокатилась по щеке Кристиана.

Он увидел детей: черные силуэты в тени хибар. Некоторые стояли на четвереньках, гребли пальцами песок. Точно псы, готовые атаковать.

Кристиан вытряхнул рюкзак. Головы застучали о землю, как тыквы. Он перестраховался, обезглавил и Диарру, и лейтенанта.

Кристиан расположил головы у алтаря и сел рядом. Деревня гудела хищно. Черные дети кружились вдоль растрескавшихся стен.

– Меня зовут Кристиан Линард, – язык еле ворочался во рту.

Жирные мухи заполняли его тень, каждый сантиметр, образовывали человеческий силуэт на бесплодной земле. Кристиан стиснул рукоять ножа, судорожно вдохнул воздух, отравленный зловонными миазмами. Муха щекотала лапками его загривок.

– Мою тень зовут...

Кристиан забыл имя своей тени. Он нес вахту в пустом поселке в стране Мали.

И тысячу лет длился полдень.

Елена Щетинина Вустричный бог

Был святочный вечер, и шел снег, и сверкали звезды на ясном, чистом небе.

Мишке казалось, что там, в вышине, прошлись небесные дворники – и расчистили даже самые махонькие клочки туч. Он закидывал голову, чтобы пересчитать звезды и, как обычно, сбиться на третьем десятке – и мелкие, как мука, снежинки падали ему в раскрытый рот. Мишка глотал их, представляя, что это и есть мука и что она наполняет его живот, смешивается с выпитой водой – и превращается в тесто, сытное, плотное тесто, которое набьет ему желудок и утолит голод. Но голова его кружилась, а ноги подгибались – и кишки сворачивались в тугой болезненный комок. Не было даже сил попрошайничать – кидаться в ноги важным господам в богатых шубах и тянуть жалостливое «Подаааайте».

Мишке кутался в лохмотья, оборачивая дважды вокруг худого тельца пальто Грихи Рябого, умершего третьего дня от чахотки, ноги зябли в калошах на босу ногу – и тоже слишком больших, чужих, Марка-скрипача, помершего от пьянства в прошлом месяце.

– Подаааайте, – прохрипел он в небо. Звезды, конечно же, молчали.

– Что тебе подать? – раздался над ухом вкрадчивый голос.

Мишке вздрогнул и отшатнулся.

Двою господ – словно одного лица: молодые, с щегольскими бородками клинышком и в золоченых пенсне – стояли и улыбались.

– Копеечку, – сиплю сказал Мишка, осторожно пятясь. Рассказывал, рассказывал старый Марк-скрипач о таких молодых господах, что уводили с улиц нищих детей и творили с ними непотребное! И ведь не разбирали, кто перед ними: девчонки, али мальчишки, тыфу! – Копеечку на хлебушек. Ради праздника. Подайте...

– Ты голодный, что ли? – прищурился правый господин. Левый усмехнулся, обнажив крупные, как у лошади, белые зубы.

– Голодный, барин, – признался Мишка, судорожно размышляя – разговаривать ли с этими странными господами или бежать прочь, пока есть силы? – Со вчерашнего дня крошки во рту не было!

– Ну что же, Иван Викентьевич, – повернулся правый господин к левому. – Голодный мальчик. Все, как вы заказывали!

– Однако, однако, Владимир Христофорович, – закачал головой левый господин. – Истинно, в праздник все наши желания исполняются.

– Ну так что, Иван Викентьевич, готовы исполнить сказанное?

– Я от своих слов, Владимир Христофорович, не отказываюсь!

Мишке сделал еще шаг назад, вспоминая – там, за спиной, есть арка, в которую он может нырнуть – и потом бежать, бежать, бежать не оглядываясь, от этих странных и жутких господ с бородками клинышком и в золоченых пенсне. Но стоптанская, не по размеру калоша скользит, выворачивается – и Мишка падает навзничь, глухо ударяясь затылком.

Как две тусклые луны над ним появляются лица молодых господ.

– Очень голодный мальчик, – замечает правый господин.

– Великолепно голодный мальчик, – поддакивает господин левый.

Мишке смотрят в ясное, заботливо вычищенное небесными дворниками небо, в невероятно белые звезды, которые, наверное, эти же дворники начистили мелом – чтобы ярче сверкали – и молчат.

– Мальчик, ты хочешь вкусно поесть? – спрашивает правый господин.

«Господи Иисусе Христе, – думает Мишка. – Пусть они ничего дурного со мной не сотворят».

– Бесплатно, – уточняет левый господин. – И еще полтинник получишь.

«Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного, в такой-то святой праздник – такое искушение».

– Да ладно полтинник, – подхватывает правый. – Рубль. Рубль хочешь сверху?

«В руки твои препоручаю себя, Господи...»

– Хочу! – говорит Мишка и резко садится. От боли в затылке начинает мутить, перед глазами пляшут разноцветные мушки – но он хочет этот рубль, хочет есть, хочет!

– Вот и прекрасно, – хором смеются молодые господа и поднимают Мишку подмышки.

* * *

В трактире тепло, и Мишка тотчас же соловеет. Он медленно скользит взглядом по висячим лампам, по деревянным столикам, по картинкам на стене – как они называются, оле... или... олигра...? – и чувствует, как его веки наливаются свинцовой тяжестью. Он пытается не клевать носом – и вслушивается в то, что ему объясняют молодые господа.

– Мы, брат, поспорили, – постукивает пальцами по столешнице правый. – Ты ничего такого не подумай, спор серьезный и даже я бы сказал, научный.

– Естественно-научный! – поднимает палец левый, изучая меню.

Мишка кивает, облизывая пересохшие губы. Снег в галошах растаял и ему кажется, что его ноги опущены в холодные лужи.

– Так вот, – продолжает правый, тыкая левому в меню на какую-то строчку. – Остендинские, думаю. Ты, как мы понимаем, человек в разносолах не искушенный, корку хлеба за деликатес почитаешь, так?

Мишка опять кивает, не сильно заботясь, о чем идет речь. Его обещали покормить и за это дать рубль – больше его ничего не интересует.

– Вот мы и поспорили, сможет ли человек неопытный оценить незнакомое лакомство – и съесть его с таким же удовольствием и столько же, сколько человек знающий.

Мишка снова кивает. Еда и рубль, рубль и еда – вот и все, что ему надо.

– И ежели такое произойдет, то будет означать, что человек благородный и человек самого низкого происхождения в кулинарных науках суть одно и то же.

Кивок, кивок, кивок.

– Но рубль! – уточняет правый. – Только в том случае, если съешь все. Так как это исключительно моей волей тебе вознаграждение. А полтинник – от Ивана Викентьевича, если сдашься. Усвоил?

Кивок, кивок, кивок. Рубль, конечно же, лучше полтинника. Мишка сделает все, чтобы получить рубль.

– Чудесно, – левый машет рукой, подзывая полового. – Тогда и начнем, пожалуй.

* * *

Мишка пытается прижать к небу упругий комок – но тот никак не поддается, словно специально ускользая от языка. Тогда он зажмуривается – и судорожно дергая челюстью, пытается проглотить. Это получается лишь с третьей попытки – комок на мгновение застревает у Мишки в горле, заставляя хрипло застонать, – а потом проскальзывает в живот.

Во рту стоит вкус тины, глины – и почему-то мокрых тряпок. Мишку чуть не выворачивает наизнанку – но перед глазами заманчиво маячит рубль, и поэтому он лишь сцепляет зубы и осторожнел шмыгает носом. Господи Иисусе Христе, помоги. Это был только первый комок

– а во льду лежит еще дюжина без одного: словно загустевшие на морозе чахоточные харчки Грихи Рябого.

Мишку снова передергивает.

– Да, брат, – ухмыляется правый господин. – Это тебе не кислые щи.

– Запить бы... – сипит Мишка.

– Запить – хорошее дело, – соглашается господин. – Как там дорогой моему сердцу Антоша говорил? «От водки пожжет, подерет тебе в горле, а как проглотишь устрицу, в горле чувствуешь сладострастие»?

– Именно! – кивает левый.

– Да, Иван Викентьевич, сла-до-страсти-е!

– Однако же, Владимир Христофорович, ежели мне память не изменяет, на питье мы не договаривались! И так поиздергались изрядно!

– Ай, шалун, Иван Викентьевич, – грозит правый пальцем левому. – Чуете, что проигрываете! Ничего, не разорит вас этот маленький спор. Но так и быть, уговор есть уговор – про питье речи не было. Мальчик, кушай так. Вот, из раковинки отпей, живее пойдет.

Мишка запрокидывает голову и вливает из пузатой раковины, в которой когда-то лежал злополучный комок, в рот тягучую прозрачную, отдающую плесенью, жидкость. Становится только хуже. Горло обволакивает болотистой жижей, запах тины начинает щекотать ноздри изнутри. Он зажмуривается, стараясь не думать, что же он ест – такое скользкое, омерзительное, странно трепещущее, когда касается языка.

И продолжает вкладывать в рот, дергать челюстью и глотать. Вкладывать в рот, дергать челюстью и глотать. Вкладывать, дергать – и глотать.

Наконец он доедает – если это можно вообще назвать едой – последнее.

Правый господин заразительно смеется, левый кривится. Мишке суют в руку рубль – и выпроваживают из-за стола.

* * *

– Что я ел? – Мишка хватает шустрого полового за рукав. Тот оборачивается. Это мальчишка чуть постарше Мишки, черноглазый, востроносый, с обильно напомаженными курчавыми волосами.

– Даык вустрицы ж! – хихикает, глядя на Мишку. – Не признал, что ли?

Мишка мотает головой, прислушиваясь к своему брюху.

– Ну брат! – половой откровенно смеется над глупым оборванцем, который и сам не понял, что сожрал. – Вустрицы, брат, это такое блюдо, которое не всем дается!

– Так что это? – тихо спрашивает Мишка, чувствуя, как по спине начинают скрести коготки страха. – Постное али скромное? Мясо, рыба, фрукт какой?

– Ой, брат! – половой всплескивает руками и оглядывается – не требуется ли он сейчас кому – а потом гордо возвещает: – Вустрица – это не мясо, не рыба и не фрукт!

– А что? – упавшим голосом шепчет Мишка. – Неужели... человечина?

– Хуже, – хихикает половой. – Это гад такой морской. И едят его... – смуглое лицо с вострым носиком приближается вплотную к Мишкиной веснушчатой роже. – ... живьем!

– Что? – Мишка отшатывается и хватается руками за брюхо. Теперь он понимает, что же такое билось и дрожало у него во рту! Безбожное дело – есть кого-то живьем!

Половой мстительно усмехается: этот уличный оборванец наломпался дорогущих деликатесов, на которые сам половой может только облизываться, – ну ничего, теперь эти вустрицы оборвьши горлом встанут!

— А еще... — половой понижает голос до шепота. — Они пищат, когда их ешь! Богу своему вустричному молятся, чтобы тот когда-нибудь покарал тех, кто его деток малых живьем лопает. Таких, как ты!

Мишке кричит в ужасе и, зажимая уши руками, бежит прочь. Половой заливисто хохочет ему вслед — пока не получает подзатыльник от хозяина. И никто не замечает, что за их разговором наблюдает еще один — третий — молодой человек с бородкой — пусть и не настолько щегольской — и в пенсне — пусть и не позолоченном.

* * *

Мишке плетется по заснеженной улице. Рубль, зажатый в кулаке, жжет как уголек из костра.

— Вустричный бог, — шепчет Мишка. — Вустричный бог, вустричный бог.

Он готов прямо сейчас, тут, посреди улицы, пасть на колени и начать молиться — но он не знает такой молитвы, которая пришлась бы по вкусу вустричному богу. И нет, нет, как он вообще посмел сейчас заговорить о вкусе — он, который только что сожрал деток малых, деток невинных, деток пищащих!

Мишке кажется, что все было именно так — и трепетали вустрицы у него на языке, и пищали, и даже кричали что-то человеческим голосом — а он, одурманенный мечтой о рубле, под сверканием золоченых пенсне, не слышал этих воплей, глух был и ушами и сердцем.

— Господи Иисусе Христе, — бормочет Мишка. — Помоги. Помоги чаду своему глупому, неразумному. Ты же знаешь, наверное, вустричного бога. Ты же всех знаешь. Скажи ему, что не специально я. Не хотел я. Не желал. Уговорили меня. Совратили. Искусили, как истинные демоны.

Но Иисус Христос не слышит его — Мишка ощущает это всем сердцем. Сейчас, здесь, царствует вустричный бог — и он придет. И покарает.

Мишке судорожно оглядывается. Ему кажется — или небо больше не такое ясное и чистое? И звезды потускнели — словно их затянула сизая плесень?

Верно то проделки вустричного бога! Он идет за ним! Он идет карать — и не миловать!

Мишке съеживается. Вода в галошах снова начинает леденеть — и он уже почти не чувствует ног. Но все равно, оступаясь и поскользываясь, бежит в подворотню, где скучоживается в три погибели и сует пальцы в рот.

Он же не жевал их! Не жевал! Он глотал их живьем — и может быть, сейчас сможет выблевать все! Живыми, как есть! А потом соберет их — и вернет вустричному богу!

Мишконо тельце содрогается в спазмах — и выходит первая вустрица. Она лежит на снежке, жалкая и сморщенная, как кусок языка мертвеца.

Еще один мучительный спазм — и выходит вторая. Потом третья и четвертая.

За Мишкиной спиной что-то начинает шевелиться и ворочаться. В нос ударяет тиной и болотной жижей, по спине скользит мокрое и липкое. Мишка тихо ахает — но продолжает извергать из себя вустриц, остервенело тыча пальцами в горло. Под ногтями у него кровь, кровь на языке и губах — но выходят уже пятая и шестая.

Седьмая и восьмая идут тяжело, с желчью, грудь раздирает кашель, брюхо крутит в агонии. Вустричный бог ползает за Мишкиной спиной, тяжело и зловеще вздыхая. Он ждет, ждет, когда Мишка вернет ему его детей — всех, до единого — и тогда, может быть, и простит глупого, неразумного мальчишку!

Девятая и десятая. Мишка содрогается в приступах безудержной пустой рвоты слизью и слюнями, цепляется за стену в попытках не упасть. Вустричный бог замирает за спиной — ему не нравится, что возврат так затягивается.

Одиннадцатая.

— Сейчас, — шепчет виновато Мишка. — Сейчас, сейчас...
Двенадцатой нет.

Мишке кажется, что он уже весь вывернулся наизнанку, как старая рваная рукавица — но двенадцатой нет! Она пропала. Мишкино брюхо, голодное и жадное, успело пожрать ее!

— Нет... — тихо шепчет Мишка, упираясь горячим лбом в холодную стену. Он боится оглянуться. Боится сказать в лицо отцу миллионов, миллиардов устриц, что одно его дитя все-таки сожрано.

Устричный бог все понимает — и ярится. Он хлещет по стенам, шипит и плюется Мишке в затылок холодной и едкой слюной, выкручивает ему суставы жестокой ломотой, вытягивает нервы через давным-давно онемевшие пятки.

«Господи устричный бог, — бормочет Мишка, цепляясь за стену из последних сил, так и не решаясь оглянуться. — Помилуй мя, грешного. Ибо не ведал я, что творил. Ибо...»

А потом Мишка поскользывается и падает — на этот раз ударяясь затылком неожиданно громко и хрустко.

И звезд не видно — над головой лишь каменный свод подворотни, слепой и безучастный.

— Однако, Владимир Христофорович, — вдруг пробивается в угасающее Мишкино сознание. — Кажется, это тот мальчик, который только что участвовал в нашем споре.

— Да, вы правы, Иван Викентьевич.

— Кажется он совсем плох, верно? Ох, и метель же началась, даже сюда заносит! Мокрая, жуть!

— Если совсем не умер. Странно, свежайшие же были.

— А что это означает?

— Что?

— Что кажется, я выиграл!

— Отчего ж, Иван Викентьевич?

— Ну так впрок мальчику не пошло — значит, выигрыш за мной.

— В ваших словах есть логика, конечно, Иван Викентьевич, но давайте ее обсудим за стопочкой смирновки.

— Во льду?

— Естественно!

— Ах, умеете вы, Владимир Христофорович, настоять на своем. Идем же!

И опускается тяжелая, плотная, твердая темнота — словно устричный бог закрывает створки всего и вся.

Из письма А.П. Чехова Н.Н. Оболонскому

5 ноября 1892 г. Петербург.

...Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь Николай Николаевич! Я хожу в Милютин ряд и ем там устриц. Мне положительно нечего делать, и я думаю только о том, что бы мне съесть и что выпить, и жалею, что нет такой устрицы, которая меня бы съела в наказание за грехи...

Олег Савощик Черный человек

За такие деньги коктейль должен быть повкуснее. Морщусь от горечи во рту и ставлю стакан на место.

Полумрак зала едва вмещает двадцать человек. На полках лежат игровые приставки, на стенах висят огромные плазмы. Сейчас по ним беззвучно крутят ролики с «красивой» жизнью: солнечные пляжи, белоснежные яхты и танцующие девочки в купальниках.

Вечерами здесь собирается «полабать в плейстейшн» и покурить кальян золотая молодежь, но днем по будням, дважды в неделю, помещение занимают студенты, которые даже не могут позволить себе выпивку из бара, престарелые франты в потертых пиджаках, да прочая недобитая интеллигенция.

«Поэтический круг» – так они себя называют. Выходят из-за столов с зажатыми в потных ладошках смартфонами или читают срывающимся голосом по памяти свою «томную, дохлую лирику», как выразился бы классик.

Сплошь любовные излияния или жизнеутверждающие, до пошлости пропитанные детской наивностью, неуместным сарказмом... Вот скакет и кривляется, со скрипом пытаясь выдавать несуществующую артистичность, девочка с косичками. Колечко в ее носу при тусклом освещении похоже на соплю. А вот парнишка в растянутом свитере бренчит по струнам, даже не стараясь попадать в ноты. Долго, наверное, подбирал два аккорда под свои вирши.

А вот эта, с волосами ниже поясницы, вроде ничего.

«Кто-то играет со смертью,
Кого-то она пугает,
Кто-то ей молится с детства,
Кто-то же проклинает...»

Миленько. Интересно, она сама понимает, как точно выделила «игроков» среди всех остальных?

Длинноволосая возвращается на место, ее провожают дежурными аплодисментами, пожалуй, даже громче обычного. Здесь редко слушают кого-то, кроме себя.

«Ах, люблю я поэтов...» – приходят в голову слова того же классика. Народ действительно забавный. Их попытки в творчество – как лакмусовая бумажка. Все, что у пьяного на языке, как говорится. Душевные терзания, прикушенные до крови губы,очные страхи: все это здесь, в их словах и неумелых рифмах.

Я продолжаю слушать вполуха, то поглядывая на загорелые тела на экранах, то делая глоток из своего стакана. Чувство пониже грудной клетки похоже на горячий компресс, тепло поднимается выше, и сердце отзывается учащенным ритмом. Дышу глубже.

Нет, все не то! Все пошло, вторично, скучно! Другое, вот уже битый месяц я ищу здесь совсем другое...

Объявляют перерыв, и я поднимаюсь в бар. За стойкой пусто, у панорамных окон лишь пара занятых столиков. «Корона» закрыла половину заведений в центре, а собрание начинавших поэтов создает здесь хоть какую-то движуху.

Задумчиво топчуся около гардероба, но решаю не одеваться и выходжу на улицу. Холодный воздух впивается иглами в голую шею, и я поднимаю ворот рубашки. Закуриваю.

Вместе со мной выходит куча рифмоплетов, через один с вейпами, тонкими сигаретами, всем вот этим вот куревом для пидрил. Отхожу на другой конец крыльца, всматриваюсь в

серость улицы. С пепельных облаков ветер приносит мокрую пыль, швыряет в лицо. Прикрываю рукой сигарету.

Через дорогу девушка на остановке стоит в майке, голые плечи в конце октября – что-то новенькое. Она поднимает руку, машет кому-то на этой стороне. Узнала одного из поэтов? На секунду кажется, что машет мне, и я всматриваюсь в худенький силуэт. Она улыбается и делает шаг прямо под подъезжающий автобус.

Дым застывает в легких, и я закашливаюсь, сплевываю густую, тягучую слону. Жду визга тормозов, крика толпы....

Рядом бубнит какой-то полурослик, не затыкаясь, когда только успел подойти? Никто не обратил внимания на девушку, автобус стоит еще несколько секунд и отъезжает. На остановке остается толстая бабулька в розовом пуховике.

Показалось. Девушка просто зашла в автобус. Не было хрупкого тела под колесами, многотонная масса не вдавила податливую плоть в мокрый асфальт... Воображение гоняет тепло по моим внутренностям, стук сердца отдается в ушах.

Лишь этот бубнеж рядом... Я оборачиваюсь к парочке за моей спиной. Парнишка с выбритыми висками пыхтит какой-то дрянью с капсулой, даже не взятаг, гоняет сладковатый дым за щеками. В его руках сумка, с виду не отличить от бабской, на сумке значки с большеглазыми мультишными девочками.

Я оглядываю спутницу коротышки с ног до головы, подхожу.

– Зритель? Или тоже выступаешь?

Она поднимает взгляд, чтобы лишь на секунду задержаться на моем лице. Отвечает тихо.

– Одна здесь? – Не смотрю на доходягу рядом.

Она что-то смущенно лепечет про друга и кивает на парнишку. «Друг» комкает в пальцах бычок, буравит меня исподлобья. По-прежнему делаю вид, что не замечаю.

– С удовольствием послушаю! Если понравится, с меня коктейль. – Улыбаюсь вовсю.

Девочка наливается пунцом. Никогда не клеили тридцатилетние дяди? Она и впрямь хороша, чистая кожа, пухлые губки, аккуратный носик. Бесформенная майка с «Риком и Морти» скрывает фигуру, но, судя по болезненно тощим ножкам в обтягивающих джинсах, там все печальнее.

– Какие вообще планы на вечер? – наседаю я.

Коротышка что-то там цедит сквозь зубы. Я резко поворачиваюсь к нему.

– Ты сейчас огрызнулся, или мне показалось? – Подхожу в упор. – Я тебе плохое сказал что-нибудь? Ты меня обидеть сейчас хочешь?

Куда ему, юродивому. Он едва достает мне до плеча, а чтобы сравняться в массе, надо наесть еще килограммов сорок. Несчастному остается лишь вяло оправдываться и бегать взглядом по моей груди перед самым своим носом.

– Так что, а? Сказать что хочешь, анимешник? – Я легонько шлепаю его пальцами по щеке, и он неуклюже отстраняется. Говорю нарочито внятно, не повышая голоса. – Я могу прямо здесь выдернуть тебя из твоих маленьких штанишек с подворотами и отходить по твоей маленькой заднице у всех на глазах. Ты этого хочешь? Будешь еще на дядю огрызаться?

Он затравленно озирается, но здесь ему не найти поддержки. Поэты выбрасывают окурки в мусорку и спешат вернуться в бар. Перерыв закончился.

Мне на плечо ложится тонкая ладонь. Девушка щебечет, извиняется за друга.

– Да щучу я, чего вы? – улыбаюсь я и примирительно хлопаю дрыщлявого по спине. Так, чтобы аж хрустнуло.

Подмигиваю новой знакомой и ныряю в дверной проем.

* * *

Я никогда не забуду ту ночь. Все началось со звонка, который меня разбудил.

Это повторилось в третий раз за последние полгода. Всего одна цифра рознит номер круглосуточной психологической поддержки с моим. Какая ирония: доведенному до отчаяния так легко промахнуться дрожащим пальцем мимо нужной кнопки.

Раньше я их просто посыпал куда подальше, говорил, чтобы разули глаза, и набрали правильно.

Но в ту ночь пьяный мужской голос из трубы не дал вставить мне ни слова. Звенел в моей сонной черепушке, как чайная ложечка в граненом стакане. Дзынь-дзынь-дзынь...

Он все ныл и ныл, что-то о своей жене, о детях, о деньгах, конечно. Среди всхлипов и не разобрать было, а я даже не старался вникать. Взрослый мужик, судя по баритону, плакался мне в трубку, как мальчишка.

Возможно, будь на линии девчонка с дипломом какого-нибудь гуманитарного говно-ВУЗа, она бы смогла подобрать слова. Остановить этот нескончаемый поток. Но в ту ночь мужик ошибся всего одной кнопкой и попал на меня.

– Господи, да всем насрать, – сказал я устало и удовлетворенно отметил тишину в трубке. Как отрезало. – Как твоя баба терпела все эти сопли, а? Эй, маленькая сучка? Открой окно, душнила, и проветри. И лучше реши это по-быстрому, не донимай людей.

Несколько мгновений я вслушивался в тишину на линии. Следом донеслось шорканье, похожее на неуклюжие шаги и стеклянный звон, будто упала бутылка со стола. Мое терпение кончилось, и я нажал на кнопку сброса. Заснул с улыбкой на губах.

…О мужике, выпрыгнувшем в окно, написали в утренней сводке новостей. Бизнесмен, некий Борис, разорился во время пандемии, жена ушла и забрала детей. Пока я читал новость, холод медленно касался пальцев, будто пробуя меня на вкус.

Он? А что если выйдут на меня? Посмотрят последние вызовы, запросят запись разговора у оператора… Они могут? Даже если нет, вопросов не избежать.

Пока мысли набивали голову колючей стекловатой, холод поднимался выше по рукам, обвил локти, коснулся плеч.

Но ни через неделю, ни через месяц, меня никто не спросил. Похоже, на мужика даже после смерти было всем насрать. Я лишь озвучил общее мнение.

Холод отпустил. С тех пор его сменило непривычной теплого под самой грудиной, так похожее на голод.

* * *

Старая кляча вместо чтения стихов неуклюже начинает рекламировать свои сборники. Перепутала, видимо, творческий вечер с презентацией. Прокуренным голосом зачитывает содержание каждой книжечки в мягким переплете, водит пожелтевшим ногтем по пестрым обложкам и рассказывает, как долго она добивалась именно такой цветопередачи и именно таких, вырвиглазных шрифтов.

Народ начинает зевать, а я напоминаю себе, почему торчу здесь вместо покера в каком-нибудь «Золотом Лисе». Поглядываю через плечо на девочку в майке с «Риком и Морти», она сняла капюшон, и выцветшие розовое волосы рассыпались по хрупким плечам. Дрыщ не убедил ее уйти. Хорошо.

– Извиняюсь, а вы не пробовали обратиться в издательство, а не в типографию? – Я поднимаю руку и сразу же добавляю на удивленный взгляд. – Не поймите неправильно, я слышал,

что крошечные тиражи за свой счет лишь тешат самолюбие автора, а потом пылятся аккуратными стопочками на балконе или в гараже. Вы, как опытная,уважаемая поэтесса, пробовали издаться по-настоящему?

Старуха дергается и кривит губы, будто оса ужалила ее в лицо. В яблочко!

Она бормочет что-то невнятное про современных жадных издателей, и про то, что искусство не измеряется деньгами, и еще какую-то скотину, спешно запихивая сборники себе в сумку.

До меня доносится неодобрительное шипение той самой девчонки с соплей под носом. Но я лишь улыбаюсь короткому смешку за спиной.

... Горькая дрянь из стакана допита, и я уже думаю, что в очередной раз уйду ни с чем.

А потом выходит она. Розоволосая подруга дрыща. И с первых строк внутренний жар сжигает остатки кислорода в легких.

Я не шарю в поэзии, во всех этих ямбах и хореях. У меня нет чувства ритма, я не знаю, за что ругают отглагольные рифмы. Но я слышу интонации и слова, которые впиваются в меня раскаленными жалами.

Никто из этих щенков не может написать про любовь по-настоящему, ведь для этого нужно выбраться из детского, отправленного гормонами мирка, уничтожить в себе половую истому. Все обрести и все потерять.

Мало кому доступно писать про смерть, избегая пошлости. Лишь тем, кого она коснулась, приобняла за плечи. Тем, кто не может забыть об этой встрече, грезит ею, одновременно обливаясь холодным потом.

Девочка в мультишной майке может. Еще как.

... Я жду ее около гардероба.

– С меня коктейль, – говорю, заглядывая в глаза. – Как и обещал.

Ее полурослик топчется в паре шагов позади. Делает вид, что разговаривает по телефону.

Она долго не может решиться. Но не отказывает сразу, а значит – попалась.

Я продолжаю нахваливать ее стихи. Чтобы ни говорили, а похвала – самый надежный путь к молодым сердцам. Сравниваю с творчеством ранней Ахматовой. Не знаю, почему ранней, звучит солидней. Добавляю пару крылатых фраз Вольтера, на языке оригинала, естественно.

Девочка все чаще поднимает глаза от своих кислотно-желтых кед, искорки интереса подсвечивают ее зрачки. Она соглашается на коктейль.

От дохлика отделяемся быстро, он мямлит что-то, опустив голову. Давай домой, к мамке!

Девушку зовут Катей. Разговор за барной стойкой плавно переходит от искусства к путешествиям. Сыплю интересностями из своих поездок по Азии и Европе, делиюсь планами заскочить в Штаты, как снимут с границ карантин. Стаканы с коктейлями пустеют и сменяются новыми.

Иногда девушки действительно любят слушать больше, чем пиздеть. Если знать, что говорить и как. Главное, не забыть потом выслушать в ответ.

Тепло не отпускает меня, концентрируется в одной точке, превращаясь в изжогу. Я пользуюсь моментом, когда Катя выходит в уборную, и поворачиваюсь к бармену.

– Ну что, каково оно в тысяча девятьсот четырнадцатом-то? Император, поди, здравствует?

Парнишка в белоснежной рубашке с закатанными рукавами непонимающе пялится на меня.

– Я спрашиваю, у нас снова сраный сухой закон? – Улыбка застывает на моем лице оскалом. – Еще раз разбавишь мое бухло или не дольешь не дай бог, я позову твоего менеджера, и мы вместе поищем тебе новую работу.

Не дожидаясь реакции, поворачиваюсь к вернувшейся Кате, улыбаюсь. Изжога неохотно затухает. Ненадолго, знаю я.

Мы переходим к шотам. Деньги трачу легко, но стараюсь не придавать этому помпезности. В таких вешах подкупает небрежность.

Алкоголь развязывает Кате язык, теперь ее очередь распинаться. Я узнаю про отчима – распускающего руки мудака, про отчисление из меда, переезд в столицу без поддержки и с дохлыми сбережениями, что остались от подработки официанткой и дедушкиного подарка на совершеннолетие.

Банальная фабула, да и чему удивляться, если все дорожки к смерти уже давно протоптаны.

Рукав Катиной майки задирается чуть выше, и я замечаю несколько выпуклых полосок на запястьях. Улыбаюсь своим мыслям. В принципе, на сегодня мне достаточно, леску нельзя натягивать слишком резко.

Но Кате впервые за вечер по-настоящему весело, она смеется невпопад и чуть не проливает последний шот себе на колени. Я предлагаю поехать ко мне.

В голове слегка гудит после выпитого, и лучше бы вызвать такси, но щегольнуть тачкой сейчас – значит закрепить эффект. Благо, ехать совсем близко. В просторном салоне Катя, кажется, даже на миг трезвеет и восхищенно осматривается. Да, милая, запах новенького «Лексуса» запоминается надолго.

… Темная фигура отлепляется от придорожных кустов буквально в сотне метров от моего дома и бросается под колеса. Бью по тормозам, одновременно выкручивая руль, в ключицу впивается ремень. Хваленые японские тормоза заставляют машину замереть практически сразу, повезло еще с пустой дорогой.

Мои руки вцепились в руль до побледневших костяшек, на миг даже показалось, что не смогу разжать похолодевшие пальцы без посторонней помощи. Тело бросило в жар.

Рядом, щурясь, испуганно озирается Катя – похоже, она успела прикорнуть на теплом сидении.

– Все нормально. Дебил какой-то влез… – отвечаю на ее вопрос, поглядывая в зеркало заднего вида.

Туда, где никого нет.

* * *

Второй у меня была Надя из Гродно. Или Гомеля? Вечно путаю.

Я нашел ее на сайте для анонимных неудачников под ником «GhostWriter». Не знаю почему, но сразу понял – с ней все получится.

То ли по тому, как она тянулась к адекватному общению, вдали от залитых помоями общих чатов, словно побитая собака к ласковой руке. То ли после ее стихов: корявых четверостиший без претензий на глубину, но порой с настолько меткими, колючими строчками, что поневоле перечитываешь по несколько раз.

Надя не умела писать стихи, но умела говорить о смерти.

Впрочем, за несколько месяцев общения мы перескакивали с темы на тему, как те парочки, что часами могут ворковать о чем угодно, пока не сядут батарейки. Я никогда не видел Надю, она так и не решилась отправить мне фото, стеснялась. Но засиживаясь до утра

перед экраном, я и так узнал о ней достаточно. О проблемах с семьей, панических атаках и курсе антидепрессантов тоже знал.

С каждым днем она раскрывалась мне все больше. А я, даже давая напиться жаждущему, всегда помнил, что стакан остается в моей руке.

И когда однажды Надя написала «я тебя люблю», безо всяких вступлений, не добавив ни одного смайла, я, улыбаясь, почувствовал, как в ладони хрустнуло невидимое стекло.

Я не стал отвечать и пошел варить себе кофе. Постоял на балконе, покурил. Мне нравилось представлять Надю в тот момент, как она мечется по комнате, каждые несколько секунд подскакивает к компьютеру, чтобы обновить страницу, капельки пота блестят на кнопках мыши...

Выждав минут двадцать, я вернулся к клaviатуре.

«Сорян, но мне сейчас не до чых-то бед с башкой. Девушки со справкой такое себе. Сама понимаешь».

Дожидаться ответа не стал, сразу удалил свой аккаунт и всю переписку.

Вернулся лишь через две недели, чтобы убедиться: Надя больше не выходила в сеть, и никто из общих знакомых по чату не знал, куда она пропала.

Мне нравилось фантазировать, что она с собой сделала. Тепло внутри будоражило, кипятило кровь, опускалось волнами приятной дрожи к паху, растекалось по ногам.

Иногда мне снится, как Надя стоит на пустом перекрестке, смотрит навстречу приближающейся фуре, и тяжелый гул, все нарастаая, лупит по ушам...

После таких ночей я просыпаюсь особенно отдохнувшим.

* * *

Хожу между столами, пряча руки в карманы брюк. Менеджеры поворачиваются на офисных стульях, ловят каждое слово, каждое движение мускула на моем лице.

Вот они, мои цепные псы, мои акулы! Не все, конечно...

Нависаю над стажером.

– Почему ты положил трубку, Вадим?

Он вжимает голову в плечи, растягивает слова, будто сожрал пачку жвачки зараз.

– Что? – Прикладываю ладонь к уху. – Громче, Вадик! Ты с клиентами тоже так мялить собираешься? Ме-ме-ме... Что говоришь? Клиент сказал, ему не интересно? Надо же. А ты спросил, что именно ему не интересно? Дополнительный доход?

Стажер мотает головой.

– А что ему интересно тогда, спросил? Впахивать на дядю интересно? Считать копейки, унижаться перед банками за издевательские кредиты интересно? Это спросил?

Вадик опускает глаза. Я поворачиваюсь ко всем.

– Не бойтесь разговаривать с клиентом. Больше вопросов! Достаньте уже головы из задницы и не бойтесь быть жесткими там, где нужно. Говорит, нет денег? Пиздит! Гляньте, какие тачки ездят в центре, и каждый скажет, что у него нет для вас денег. Хотите такую же тачку? Вам всего-то и нужно, что достать бабло из его кармана и положить в свой. Нищеброд живет на пенсию бабушки? Хорошо, это тоже заберите! Вы брокеры, мать вашу! Мы имеем процент всегда, в наваре наш клиент или рынок его поимел. Так пользуйтесь этим! Еще раз услышу, что кто-то кладет трубку раньше клиента – вылетите нахрен из моего офиса! Не умеете с людьми общаться, марш разгружать коробки. Все ясно?

Команда отзывается единым гулом. Я удовлетворенно смотрю на часы: из пятнадцати минут перерыва десять забрал, а за оставшиеся пять невозможно спуститься с двадцать седьмого этажа, покурить и вернуться обратно. Хорошо, значит, меня запомнят.

Выхожу из офиса, вспоминая Катю. Скучный секс и пробуждение под звон посуды на кухне. Ненавижу, когда кто-то копается в моих вещах или открывает мой холодильник. Но она приготовила завтрак, а это хороший знак.

Я подметил, что омлет подгорел, и не притронулся к тарелке. Объяснил, как добраться до ближайшего метро прежде, чем успел натянуть штаны.

Но прошло уже два дня, пора напомнить о себе. Качнул в одну сторону – качни в другую.

Уже держу телефон в руках, когда замечаю через окно мужика на балконе противоположного здания. Он перелезает через перила и замирает, глядя вниз, а я замираю вместе с ним. Мужик поднимает голову и, кажется, смотрит в мою сторону, хоть с такого расстояния меня нельзя заметить.

За минутой течет минута, пока в голове складывается правдоподобная, убедительная картинка. Легкие начинает щипать от недостатка кислорода.

– Давай, – выдыхаю едва слышно.

Мужик делает шаг и летит вниз.

Парковка внизу забита машинами, грязно-белый фургон мешает разглядеть место приземления, но выжить с такой высоты нереально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.